

АНДРЕЙ
ВОЗНЕСЕНСКИЙ

CASINO
РОССИЯ

АНДРЕЙ
ВОЗНЕСЕНСКИЙ

АНДРЕЙ ВОЗНЕСЕНСКИЙ

CASINO “РОССИЯ”

Новые стихи и видеомы

МОСКВА
«ТЕРРА»—«TERRA»
1997

УДК 882
ББК 84 (2Рос=Рус) 6
В64

Художник
А. Митрофанов

В оформлении участвовали
М. Крихели, А. Каратаев

Автор фотопортрета
С. Берменьев

Графическая композиция автора

Вознесенский А.

В64 **Casino «Россия»: Новые стихи и видеомы. — М.: ТЕРРА, 1997. — 240 с.**

ISBN 5-300-01365-X

Андрей Вознесенский вошел в отечественную литературу в 1958 году. Его поэзии присуще острое чувство современности, драматичности человеческого существования, динамичность стиха, усложненная образность, причудливая игра аллитераций.

В сборнике представлены новые поэмы и циклы стихотворений автора: «Письма из «желтого дома», «Casino «Россия», «Спасите черемуху», «Ave gave», «Кара Карфагена» и другие.

УДК 882
ББК 84 (2Рос=Рус) 6

ISBN 5-300-01365-X

© Издательский центр «ТЕРРА», 1997

письма из «желтого дома»

Лесная видеома

САД

Не величье пирамид мгновенное
и не пепл Империи в золе —
состраданье, стыд, благоговение,
уходя, оставим на земле.

Объяснения нету, и не надо.
Когдаходишь в соловьевский сад,
на сердце тревожная отрада,
и с тобой сирени говорят.

За калиткой — сердце участится
и над полем, увлажняя взгляд,
неэлементарные частицы
в воздухе взволнованном дрожат.

Ухожу проселочной тревогой.
Краткою земною торопункой —
всюду сердце, узнавая Бога,
холодеет, как перед трамплином.

Мы не возвратимся астронавтами.
Я к тебе как призрак не приду.
Стыд, благоговенье, сострадание
от меня почувствуешь в саду.

ЖЕЛТЫЙ ДОМ

Проживаю в желтом доме, в желтом доме,
как в кубическом лимоне.

Быт на сломе, газ разболтан
в желтом доме, в доме желтом.

А за стенкою во внешнем доме желтом
оппадают листопадные дензнаки.

По ночам мои окошки светят золотом,
потому что они темные с изнанки.

Ко мне утро сквозь фрамуги
странной женщиной влетит.

Обо мне в лесах округи
пресса желтая шумит.

Чаадаевской картошки понарою.

Волчьей ягоды нажрусь до тошноты.

У коров наших диагноз «паранойя».

Я достаточно орал Савонароллой,
я спасаюсь шоком тишины.

В этом доме, в темном томе,
записал я Твою речь
против света, в полудреме
с золотым обрезом плеч.

В этом двухэтажном доме
я любил. А что есть кроме?
Остальное лжет.

Скомкана салфетка в тоне.
Желт, желт

между красным и зеленым,
меж закатом и газоном,
как глазунья, в невезучий
переходный жизни час,
предзакатное безумье,
желтый глаз мигает в нас.

Хоть надень на солнце шорты!
Не укрыться охламонам.
Век зажегся кофтой желтой,
завершился желтым домом.

В желчном зеркале, из рамы,
озирая мой прикид,
не белками, а желтками
рожа мерзкая глядит.

Прыгнуть бы с «Песней о Соколе»,
с крыши, проломив крыльцо!..
Но за горло держит цоколь
цокольцокольцокольцо.

Мы все пациенты, особенно врачи.

Кто расшифрует ☹️?

подписывайтесь

на «Письма из Желтого дома».

Полосатый, как батоны,
теплый кот на стол залег.
Вдаришь в стенку — на ладони
сыплется яичный порошок

желтый, желтый, как тяжел ты,

да пошел ты, !

Пациенты лезут в форточку по желобу.

Пишут письма мне потом:

Адрес точен, как жетон:

Россия. Желтый дом.

КУПАНИЕ В РОСЕ

На лугу меж двух озер
вне обзора от шоссе,
как катается ковер,
мы купаемся в росе.
Ледяные одуванчики,
исхлеставши плечи все,
ароматом обдавайте!
Мы купаемся в росе.
Все грехи поискупали,
окрещенные в красе,
не в людских слезах — в купавиных,
брось врачей! Купнись в росе!
Принимай росные ванны!
Никакого ОРЗ.
Как шурупчик высоты,
дует шершень от шоссе —
где тут ты? и где цветы?
он ворчит: «Ля фам шерше...»
Милые, нас не скосили!
Равны ежику, осе,
мы купаемся в России,
мы купаемся в росе.
Полосатый, словно зебра —
ну и сервис! — след любви.
Ты в росе, в росе, в росевросевросево — серва
ландыша не раздави!...
Как приятно на веранде
пить холодное «rosé»...
Вы купайтесь в бриллиантах!
Мы купаемся в росе.

ПОМИЛУЙ, ГОСПОДИ...

Отпевали Детонатовича в закрытом гробу.
Как пантера сидит телекамера у оператора на горбу.

Последнею хохмой чертовой печалы иконостас,
Мария повязку черную повязала ему на глаз.
Пиратские череп и кости прикрыли зрачок его...

Упокой душу, Господи, усопшего раба Твоего.

А он отплывал пиратствовать в воды, где ждет Харон.
Сатана или Санта-Мария встретят его паром?
Изящные череп и кости, скрещенные внизу,
как фото на будущий паспорт, лежат на его глазу.

Стилист? хулиган? двурушник?

Гроб пуст. В нем нет никого.

Упокой, Господи, душу уставшего шута Твоего.

Спасли меня в «Новом мире» когда-то, пират пера.
А вдруг и тогда схохмили? все это теперь мура.
Земли переделкинской горсточку брошу на гроб его.

Упокой душу, Господи, духовного бомжа Твоего.

Вы выпили жизни чашу, полную денатурата.
Литература частная, вздохни по Андрею Фанатовичу.
Успокой, Господь, нашу агрессию,
гордынь мою успокой,
успокой страну нашу грешную, не брось ее в час такой!

Время шутить не любит. Шутник, уйдя, подмигнул.
А вдруг не ошибся Лютер, что Богу милей богохул?
Упокой душу, Господи, усопшего Абрама Твоего.

Греховничая, кусошничая, хранит в себя божество
интеллигенции горсточка, оставшаяся в живых...

Упокой души, Господи, неусопших рабов Твоих.

Париж. Сергиево Подворье. 14.03.97.

БАЛЛАДА О МО

Словно гоголевский шнобель,
над страной летает Мобель.

Говорит пророк с оглобель:
«Это Мобель, Мобель, Мобель
всем транслирует, дебил,
как он Дудаева убил.
Я читал в одной из книг —
Мобель дик».

— А Мадонна из Зарядья
тройню черных родила.
«Дистанционное зачатье» —
утверждает. Ну, дела!

Ну Мобель, погоди...

Покупаю модный блейзер.
Восемь кнопочек на нем.
Нажму кнопку — кто-то трезвый
говорит во мне: «*Прием.*
Абонент не отвечает или временно недоступен
звону злата. И мысли, и дела он знает наперед...»
Кто мой Мобель наберет?

Секс летит на нас отдельно,
Жизни смысл отстал от денег.

Мы — отвязанные люди,
без иллюзий.

Мебель лауреаты
проникают Банку в код.
С толстым слоем шоколада
Марс краснеет и плывет.

К непорочным идеалам
так убийственно близки
папарацци за Дианой
понеслись вперегонки!

Ты теперь дама с собачкой —
ляжет на спину с тоски
чтоб потрогала ты пальчиком
в животе ее соски.

*Если разговариваешь более получаса, —
рискуешь получить удар самонаводящейся
ракетой.*

- *Опасайтесь связи сотовой.*
- *Особенно двухсотой.*
- *Налей без содовой.*

Даже в ванной — связи, связи,
запредельный разговор,
словно гул в китайской вазе,
что важнее, чем фарфор.

Гений Мебель создал.
Мебель гения сожрал.
Он мозгов привносит рак.
Кто без мозгов — тот не дурак.

«Мо», — сказал Екклезиаст.
Но звенят мои штаны:
«Капитализм — это несоветская власть
плюс мобелизация всей страны».

Черный мебель, черный мебель
над моею головой,
нового сознания модуль,
черный мебель я не твой!

— Не сдадим Москву французу!
— В наших грязях вязнет «Оппель»
Как повязочка Кутузова,
в небесах летает мебель
МОБЕЛЬМОБЕЛЬМОБЕЛЬМОБЕЛЬМО...

Слепы мы.
Слепо время само.

ПЛАТИТЕ ЖЕНЩИНЕ

Женщине надо платить —
жизнью, а лучше наличными.
Как утверждают античные
Плётин или Плотин.

Все оставляет блондин
золото на подушке,
гений забился в падучей —
женщине надо платить.

Деньги суммируют секс.
В женщину, словно в копилку,
суть свою юноша пылкий
вкладывает, и Ксеркс.

Женщине надо плодить
тайны и войны всамделишные,
грезы налогоплательщиков
в куртках на голое тело,
и тех, кто платить супротив.

Женщиной надо балдеть.
Пусть обвинят в пораженщине.
Платите женщине!
(Шкурой, когда вы медведь.)

Чем я тебе заплачу
за твоё чудо бесценное,
за поцелуи, за сцену
перед поездкой к врачу?

Как мы играли с тобой!
За щеку сунув динару...
И из тебя — из Данаи —
сыпался дождь золотой.

Как ты неординарна!

«Я — однорукий бандит!..»
Отхохочись до упаду,
став игровым автоматом.
Надо платить.

За этот аперитив
будешь, родная, расплачиваться
дном, унижениями, прачечными,
за все мужские палачества
женщине надо платить.

МОРЕ

Проплыву, продышу, проживу брассом.
Проплыву, проживу, пролюблю кролем.
Под моей треугольной рукой — мордой,
словно конь под дугой, вырывается море.

Я люблю тебя, море, за то, что ты есть море.
Лишь завиджу тебя, сразу хочется снять штотки.
Мы любовники, море. Встречаемся мы голыми.
Как в любовь или смерть. Мне милее любовь, море.

Заплываю в зеленую страсть с мола.
Миром правит amourе. А иначе берут Смольный.
«Nevermore» — над Венерой кричит ворон.
«More еще, еще more» — отвечает мое море.

То ты — Моцарт, а то корабли мочишь.
Я к тебе прилечу — в меня бросишь сервиз, Мойра!
Кто позволил тебя у России отнять, море?
Ты из нашего мора, вздохнув, эмигрируешь, море.

Проживу, прохриплю, продышу смогом.
Смою хлоркой московской из пор твой запах.
Мое сердцебиенье кому ты отдашь завтра?
Я люблю тебя, море, за то, что ты есть Море.

ШАЛАНДА ЖЕЛАНИЙ

Шаланда уходит. С шаландой неладно.
Шаланда желаний кричит в одиночестве.
Послушайте зов сумасшедшей шаланды,
шаланды — шаландышаландышаландыша —
л а н д ы ш а хочется!

А может, с кормы прокричала челночница?
А может, баржа недодолбанной бандерши?
Нам ландыша хочется! Ландыша хочется!
Как страшно качаться под всею командой!
В трансляции вандала, вандала, вандала
«Лаванда» лавандалаванда не кончится.

А море, вчерашнее рашен, дышало,
кидало до берега пачки цветочные.
И все писуары Марсея Дюшана
белели талантливо. Но не точно.

И в этом весь смысл королев и шалавы
последней, пронзающий до позвоночника,
и шепот моей сумасшедшей шаланды,
что я не услышал:
«Л а н д ы ш а хочется...»

* * *

Плачь по Булату, приبلудшая девочка,
веноч полевой нацепив на ограду.
Небо нависло над Переделкиным,
Словно безвучный плач по Булату.

Плач по Булату — над ресторанами
и над баландой.
И на иконе у Иоанна —
плач по Булату

Плачет душа, как птенцы без подкорма,
нет с нею сладу!
В ландышах, с запахом амбулаторным —
плач по Булату.

* * *

Прими, Господь, поэта улиц
и со Святыми упокой
за соколиную сутулость,
нахохленную над струной.

Прощай, Булат. Политехнический.
И те, кто рядышком сидят.
Твой хрипловатый катехизис —
нам как пароль. Прости, Булат...

Он жил, как жить должны артисты.
По-христиански опочил.
Стихами, в бытность атеистом,
Тебе он, Господи, служил.

ХРАМ

На сердце хмара.
В век безвременья
мы не построили своего храма.
Мы все — римейки.

Мы возвели, что взорвали хамы.
Нас небеса еще не простили —
мы не построили своего храма.
В нас нету стиля.

Мышки-норушки,
не сеем сами.
Красой нарышкинской, душой нарушенной,
чужими молимся словесами.

Тишь в нашей заводи.
Но скажем прямо —
создал же Гауди молитву-ауди.
Но мы не создали с в о е г о храма.

Не в форме порно.
Но даже в сердце
мы не построили нерукотворной
домашней церкви.

Бог нас не видит.
И оттого
все наши драмы —
мы не построили своего
храма.

ИСПОВЕДЬ МОРДОВСКОЙ МАДОННЫ

Прости, Господь, свободу нашу Пиррову!

«Поздно, Господь. Прожектора врубил.
Мне дали денег за стриптиз — мешок.
За проволокой лагерь мастурбировал.
По проволоке пропускали ток.

— Давай, давай! — вопили. Над Россией
шел звездопад. — Давай, давай! —
Аж автомат на вышке разрядился.
И мат татуированных секс-символов
клубился, как девятый вал.

— Давай, давай! — ревут лесоповалы.
Им снились семьи, снилось Косино.
— Давайдавайдавайдавайдавайда...
Причем тут Вайда? Шло мое кино.

Я доставана их дистанционно —
аж голубые перековывались!
Ни Пугачева, ни Мадонна
не испытывали такого.

— Давайдавайдавайдавайдавайда —
им снились их зарезанные свадьбы.
За баб я мстила. Кто-то ржал, кто плакал,
как будто лез на волю по столбу.
Я ненавижу тебя, лагерь.
Еще не зная, что люблю.

Давай, мой лагерь! Я — твой путь к свободе,
Когда душа сквозь тернии, сквозь срам
из тела вырывается, из body
к Прекрасной даме, недоступной нам.

Мы все — дивайдид вайдавайдавайда, —
сливаясь в стоне «шайбу! шайбу! шайбу!»
Покрыла урку Блока бледнота.
В интеллигенте разразился вандал.
Айда, но не понять — куда?

Ай да сеанс! Давайдавайдавайда...
Я ощущаю на себе, грязна,
иного режиссера под кувалдой
томящиеся в лагере глаза.

Кавказцы, россияне и прибалты,
любите небо, сбросивши ножи!
Летите в тучах, дирижеров фалды!
Динамики, с турбазы подвываюте!
Я отдалась народу под Вивальди.
Честнее всенародно, чем приватно.
Господь, прости меня и накажи.
Зачем, скажи, для денежного форта
Меня ты отдал дьяволам ночи?

В тайваньских джинсах, тайной
замордованной,
пройду я, безымянна для людей,
став неизвестной копией Мадонны,
порн — но звезда мордовских лагерей.

Меня потом искали люди зоны,
в мечтах озолотив или зарезав.
Крутились диски телефонов.
Крутились диски мерседесов.

Дышала ночь острогом сладострастья.
За жизнь я мужиков имела — класс! —
но с ними не испытывала счастья...
Я отвлеклась...

Когда ж прожектор вырубил затейник —
— «набисдавайдавайдавайнабис» —
я подожгла мешок проклятых денег.
Взвыл лагерь. Продолжается стриптиз.

Пылает тело в свете грязных денег...
Паришь дистанционно Ты,
как недоступное виденье,
как гений чистой красоты.

Потом сквозь давку и асфальты
идешь одна на фестиваль
и слышишь: «Вайда, вайдавайдавайда
вайдавайдавайдавайдавайдавай».

ж и з н ь т о н е т
 п р о и г р а н н о м е р о к п а л ь т о

g
i
n

t
o
n
i
c

с л а с и т е к т о - н и б у д ь !

g
i
n
-
t
o
n
i
c

o
n
i
c
t
o
n
i
c

д ж и н - т о н и к т о н и к т о н и к т о н и к т о

УЛЕТ

на деревьях висит тай
очки сели на кебаб
лучше вовсе бросить шко
боже отпусти на не

ель наденет платье диз
фаны видят мой наф-на
и на крыше нафтали
боже отпусти на не

не мелодия для масс
чево публику пуга
зыкина анти му-му
боже отпусти на не

тятя тятя наши се
цаца цаца ца мертве
леннона проходят в шко
господи пусти на ю

до свидания бельмон
инактриса пошла к
зонцы выбирают барби
Нику дали шизофре
рновскую вкушают СМИ

ад пусти меня на зап
да хотя бы в нику
enthusiasm это kitch

оба сели с свои вольв
мент проверил их доку
оказались безрабо

ердие безрукой Милос
тронь фонариком мне ну
много в человеке те

политически ужо
единенье каждый раз
сколько жен/ударов в мин
я кричу что гибнет росси

боже отпусти на не
лампа-жизнь разбилась попо
ты не оправдала меч

боже отпусти на не

ЛЕСНОЙ РЕГТАЙМ

С. Юрскому

Ку-ку —
миную Времени реку —
ку-ку-ку-ку-
читаю ли Матфея и Луку,
ку-ку-ку-ку-ку-ку-
укушенный собаками бегу —
тебе не прозвонюсь через Москву —
ку-ку-ку-ку-ку-ку-ку-ку-
лишь состраданье неба привлеку,
Что клен приставив пятерней к виску,
помахивая мне, как дурачку,
меня диагностирует:
«ку-ку!»

Мы все — «ку-ку» — внизу, хоть наверху
Кухарка, слей чеченскую уху!-
ку-ку-ку-ку — ушу или Ду Фу —
чужие яйца отыщи в шкафу —
кукареку! — ку-ку-ку-ку из ху?
Куда? Отку...Откупорь бутыл-ку...
Прейску-иску-я рашен обеску...
Ку-ку-ку-ку — подобно пузырьку,
не капай нам всемирную тоску,
окультурная пичужка на суку!..
Ку-ку-ку-ку-ку-ку-ку-ку-ку-ку-ку-ку-ку-ку-ку-ку...

Лишь в небе в акустическом цеху
Курехин оборвет свою строку —
ку...

ПАРА-ШУТ

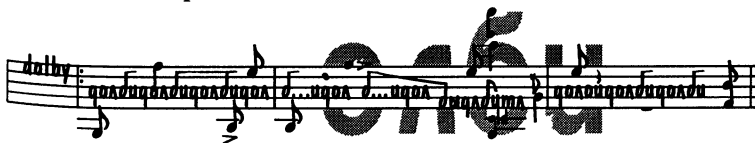
— Как живете, старый шут нового типа?
— Спасибо.

У народа зуд, зуд:
— С кем живете, шут, шут?
— С Макаревичем ел суп!
— Яйцо красит в перламутр...
— Башню Татлина ввернут
тебе в попку, как шуруп
— Строишь виллу у Бермуд —
с каких ссуд?!

А народы ждут, ждут
миллион зеленых роз...
Я надену белый suit.
Я надену красный нос.
— Ишь, хохмит над беспределом.
Мы — в дерьме, а он весь в белом?!

Парашют освоил он.
Шут летит над Азиопой
к Богу обращен лицом,
а к народу — пышной сдобой?!

— Чертик в колбе!

— «Самел» вреден по Минздраву —
Перейдем на анашу
Вместо маски карнавала
ваше зеркало ношу

А кругом — пьяный снег
Параноев ковчег.
Ржет порнокопытный век.
Стой! Ноги вверх!

С неба сеет
нонпарель.
Кто Есенин?
ПараЛель...

Глазки, милая, открой.
Бег с Тобою? Шут с Тобой!

Есть ли что срамней души?
Есть ли что смешней рубля?
Соревнуются шуты
примерять колпак Кремля.

Если скажешь суть, суть —
тебе скажут: «Шут, шут!»

Клоун, он всегда alone,
хоть толпою избалован.
Одинок.
На прострелянных баллонах
дует с горки ледяной.

— У виска кручу палец с ухмылкой
не за тем, чтоб дразнить дурака.
Просто я зажимаю дырку
от пробитого пулей виска.

* * *

— За что мои всходы растоптаны?
за что мое солнце зашло?
за что я не выйду из штопора?
за что?

За что мое сердце растлили?
за что мне проклятье дано
увидеть крушенье России
и выжить при этом?

— Дерьмо!

за что?! Повались на колени,
молись человеческой судьбе
за магниевое мгновенье,
когда я являюсь тебе.

за что? Не торгуйся, как челядь.
За миг благодати земной,
что в эти тысячелетья
мы, милый, совпали с тобой.

* * *

Не пытайте лампой паяльной,
приваривши к Moscow-сити,
отпустите на покаяние!
Под березами опустите.

Робу черную полотняную
я надену, заправив в брюки.
Навзничь в ужасе покаяния
упаду я, раскинув руки.

Меж ромашек вдали от Митино
лягу, темное покаяние —
словно тень от Него, невидимого,
что стоит надо мной в сиянии.

«Краю нет грехам и обидам...
Отпусти мои преступления!
Мы, живые, Тебя не видим.
Мы Тебя узнаем по Тени.»

* * *

Клавишами Берлиоза,
душу в слезы уводя,
непросохшие сырозы
жмурятся после дождя.

Слезы высохнут, осевши,
в твоей жизни и моей,
но останется на сердце
отложение солей.

И, наверное, нормально —
если колет на ходу,
когда, на сердце хромя,
твоей тропкою иду.

ВОЛШЕБНОЕ СТЕКЛО

Нарисуйте, художник, на раме пейзажи и женщину,
в раму вставьте пустое стекло.
Ваша жизнь протечет в иллюзорном их окружении.
Светло.

Это значит, вы — классик.
Жизнь искусством прошла.
Все печали стирает прозрачайший ластик —
ластик-ластик-стекла.

Замаячит Веласкес, как петух из графина.
Уменьшенный до спеси,
в знаменитом жабо прошипит граф гофрированный,
словно крышечка «пепси».

И когда совершенство опостылет княгинею Бетси,
как сигают с балкона, аж рожу ожгло —
разберитесь с собой — разбегитесь, башкою разбейте
Жизнь-стекло!

casino «россия»

ВЕЩЬ ПУШКИНОМАРКАЗИНО
ГОРОВОРОССИЯ

ИГРОВАЯ

Вызвала под утро за ворота
рыжая, пустая как камыш.
И твердишь лицом бесповоротным:
«Я сама себе отвратней рвоты.
Неужели ты меня простишь?!

Помнишь, ты крутил: «грядеши камо?»
«Камо-амок» выплыло со дна.
Я давно играю. Это амок.
Неужели ты простишь меня?»

Амок, всенародный и кровавый,
мчится, самых лучших закрутя...
«Игровая вышла, игровая», —
говорят таксисты про тебя.

Молодая пиковая дама,
кто ж маркиз твой? Урка из Мытищ?
Воет амок — вековая яма:
«Неужели ты меня простишь?»

Ночью выпал иней. Вроде хрома.
Но на босу ногу ты была,
как позавчера ушла из дома,
амоком ведомая ушла.

Жалко не проигранной квартиры,
жаль тебя, а не зеленых тыщ.
За тобой следили рэкетеры.
«Я должна кавказцам», — ты твердила.
«Неужели ты меня простишь?»

«Сколько?» — говорю, играя хама.
Я устал от твоего вранья.
Но ужалил непонятный амок:
«Неужели ты простишь меня?»

Это круче дозы тегеранской,
крутит, состав крови изменя,
Отыгаться надо, отыгаться —
Неужели не простишь меня?

Женщины — все игровые,
ставят свою юность и престиж,
русские наследницы графини.
неужели ты меня простишь?

Амок шел за мной на Мицубиси.
За балкон шагнула с этажа
пятого. Сочли самоубийством.
Извини, конечно, но жива.

Возвращаясь утром на цистерне,
на пределе хрупкого ума
я пыталась распознать Систему.
Но она безумная сама.

Милая, они же профи!
Но крупье отпаивали зал,
когда твой молниеносный профиль
амок изумрудно озарял.

И страданья свет смущенно таял,
проступая через никотин.
Ведь сияние бывает тайным.
Или же бывает никаким.

Тачка ждет. Пора кончать свиданье.
Боже, излечи ее, спаси!
Смотрит сострадание страданья
в заднее окошечко такси.

Иней на деревьях — битой гжелью.
Но дорога вся темна.
Уезжает ею: «Неужели
ты простил меня?»

Господи! Камо грядеши?!
На душе тяжелый камень лишь.
Как мне жить, твой амок разглядевши?
Неужели ты меня простишь?

Слава Богу, этот амок в прошлом.
Ты как свечка, сбросила нагар.
Не ответит тот, кто не опрошен.
Не воскреснет тот, кто не играл.

Ради чада ты живешь на свете.
Озарен луной чертополох.
Именно в тебе, в минуты эти —
понимаю — существует Бог.

«Дура! — процитирую. — Святая!»
Как в тебе измучилась, страшна,
проклятое место обитанья,
но обетованная страна!

Стало подлежащее сказуемым.
Под лежачими — девятый вал.
Но остался свет непредсказуемый,
где наш грешный проигрыш ступал.

Озариться — значит разориться,
чертову черту переступя.
Кто не стоят твоего мизинца,
выступают осуждать тебя.

Слава Богу, ты сумела выздороветь,
выжить, сбросить кожу, как змея.
Вдруг спасет кого-то твоя исповедь?! —
И за это ты прости меня.

Мы прожили жизнью, Богом данной.
Но изо всей музыки Его
есть лишь Страдивари состраданыя.
И больше нету ничего.

2

Ты пропала под Новый год.

И вот я, старый потомственный крупье с меньшим братом Димитрием прочесываю злачные катакомбы. В Москве двести казино.

— Чем обязаны, мэтр?

Показываем твое фото. — «Ах, эта? Алхимическая блондинка? Как же, как же, пигалица такая... Нет. Никогда не встречали. Да мы бы для вас, мэтр...

А в Питере спросили?»

РУЛЕТКА ЛЕТЕЛА НАД РОССИЕЙ

Утренний алкаш принял ее за парашют парасейлинга. «А где же, блин, трос и катер?» — размышлял он. «катеркатеркатеркатерка — терка»...

Это его уже тащили щекой по смерзшемуся асфальту к дежурной машине.

ПАТРУЛЕТКА ЛЕТЕЛА НАД РОССИЕЙ

Она лежала навзничь в зеленом камзоле Преображенского сукна. Коршун кружил над ней. Какой-то Малевич расчленил ее на квадраты губерний. Губернии были красные и черные. На некоторых городах уже стояли фишки. Стопка фишек росла над Владивостоком,

Разум переходил границы. Заплывала зависть. Всюду лежали страсти. Ставки росли. Ставьте на ненависть, господа! Оголенная правда била током. Сострадание сужало границы.

«Пушкин, спаси нас!» — вопил увозимый.

За Пушкиным виделись слова —

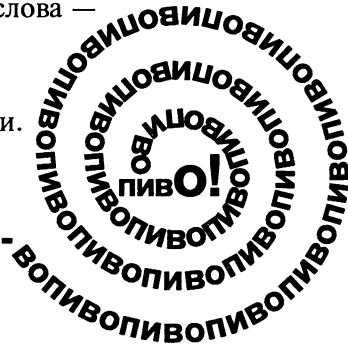
«Россия» и «казино».

На площади расходился митинг.

Японцы фотографировали.

Толпотворенье!

ВОПИ, ТОЛПА, ВОПИ -

РУЛЬ С СЕКРЕТКОЙ ВОПИЛ НАД РОССИЕЙ

Если сложить Кремль зелеными башнями внутрь, получится идеальный круг рулетки, с гнездами для шарика по кругу стены.

«Доиграетесь!» — грозил увозимый алкаш.

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ В ЖИЛЕТКЕ ЛЕТЕЛ НАД РОССИЕЙ

Сквозь глазок всенародно парился в бане гоголевский Нос. Под той же фамилией — Ковалев.

«А у нас сауна, а у нас саунасаунасауна», — пели хороводом девушки.

«Коман сава?» — интересовался инвестор.

«Аванс — авансавансавансаван — саван», — усмехнулся киллер

СЛЕЗА-МАЛОЛЕТКА ЛЕТЕЛА НАД РОССИЕЙ

«Дяденька, ну давай за так...», — просила.

Брат Иван ехал в поезде. Протяжная нива тянулась за окном в виде горизонта. «Нива — ниваниваниван — Иван! Иван!» — звала она.

Отвернулся. Когда глянул снова, вдали явно плыло: «вина, вина, винавинав и н а», — понял Иван (значит, ехали в обратную сторону). Винавинави-навин — Навин! Солнце остановилось. Что означало бесконечный рабочий день. Об этом мечтал великий вождь.

ТАБЛЕТКА ЛЕТЕЛА НАД РОССИЕЙ

Скажите вы, Шурик, небритый электронщик в черной джинсовке и желтом несвежем галстуке, взятом напрокат, вы не видели нашу Ру-Ру? Вы склонились, сутулы, как колба алхимика, над своим блокнотиком. Вы проиграли работу, обе семьи. Проиграли золотые зубы. Вы всегда были партнером с ней за столом — так что, и вы не видели?

А вы, вечный студентик Консерватории, такой прозрачный, что сквозь вас видно все буквы уличных вывесок, или это надписи на вашей белой майке? Вы сублимировали страсть к ней в игру, так что же, вечный мальчик, вечный бой, — и вы не видели?

Скажите, Тигран Вартаныч, вы пришли сюда в малиновом пиджаке, вы были директором уральского завода, теперь вы почти бомж, шестерка черт знает для кого, — так и вы не видели ее сегодня?

Молчат три шестерки дьявола.

ТАБУРЕТКА С ПРОРЕЗЬЮ МЕСЯЦА РАКОМ СТОЯЛА НАД РОССИЕЙ

— Рута, она что, латышка у вас?

— Да нет, чистокровная русачка, Рута Руднева. В миру, так сказать: «Ру-Ру».

— А я думал, латышка латышкалатышкала...

Ты — шкала градусника всегда выше, чем 37.

Откуда в тебе гены игры? Конечно, у нас дома всегда были фишки, сломанные астролябии. Ты фыркала, якобы ими не интересовалась. Потом стала пропадать. Потом стала пропадать всегда. Рута, куда несешься? Дай ответ. Ты сжимаешь виски руками.

— Головокружение?

— Да нет, что-то душа кружится. Душекрушение какое-то.

Я понял, что ты больна.

УЛИТКА ЛЕТЕЛА НАД РОССИЕЙ

Скажите, синеглазый, ее тайный вздыхатель на кресле-каталке, обрубок страсти по кличке «Рузвельт», вы ее не видели? Куда вы катитесь, как печальная улитка, выгладывающая из-за своего колеса? Святой, Божий человек, скажите, она не заходила сегодня?

ЛИТУРГИЯ ЛЕТ ЛЕТЕЛА НАД РОССИЕЙ

Колумбарий у
Кремлевской стены
крутил номера:
1860—1910, 1921—
1947...

На венке в
обратную сторону
прокручивалась, вос-
крешалась судьба мар-
шала

РУЛЕТКА. ЛЕТА. ЛОРЕЛЕЯ.

5

Я — графиня, грассирующая по фене.
В игру внедряют меня к утру.
Принесите кофейник!
Я ломаю игру.

Дама — пик Чайковского, вершина духа.
Настает Час Дамы, голубые гуру!
Я планирую Случай. В тридцать лет я — старуха?
Я ломаю игру.

Я училась на скрипке. Играла пассажи.
Вы сломали игру.
Я вас, боссы, от радости обоссавшиеся,
на зеро разорю.

Мы страна мазохистов.
Поймешь, как попробуешь,
русский кайф — проиграть и вопить про провал.
Достоевский оргазм испытал после проигрыша
(граф Толстой не испытывал).

(Каждый проигрыш — это выигрыш,
небу взнос.
Только плохо лишь, что не выдержишь
и души не вернешь.)

Нас сломала игра. Щеки жжет, как горчичник.
Вспоминайте Ру-Ру!
Я люблю гениального игровишку,
но ломаю ему игру.

Проиграй меня, мальчик, как отрок с картинок,
как, скотина, лицо твое искажено!
а в глазах твоих светится шепот: «Аз инок —
аз инок — казино казино казино».

Пишу из Сургута. Мангал меркнет.
В отеле «ЕРМАК» я живу, мой ангел.
ERMAKERMAKERMAKER-MAKER —
«Творец» (англ.)

Вот так и живу у Творца за пазухой.
Снег выпал — чистая страница.
На черный ставь и не запаздывай.
Но что творится, что творится!

Make money — зов над теремами.
Держи карманы!
Берет контроль над терминалом
Ермак в армани.

И мне до первых кукареку
среди крупы, глядя в упор,
винтил сибирскую рулетку
коротко стриженный крупер.

Заныли сладостно колени.
Мы возвращаемся к игре,
как тянет лыжные крепления
к магнитной Барсовой горе.

Снимаю банк. Бледнеет Бэлза.
Играю против казино.
Я чую — напрягнулась бездна,
но

сквозь прорези сибирских ставен
я вижу только нас с тобой,
мы на любовь с тобою ставим,
но снова выпало «разбой».

Крутые пахнут карамелькой.
На урке зайцевский армяк.
Мы все поставили на «такер»,
но снова выпало: «Ермак».

не сдавался весельчак. Я не убил его тогда, так как надо было, не теряя ни секунды, везти тебя в госпиталь.

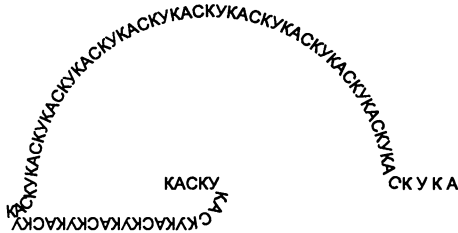
Сзади на почтительном расстоянии ныл Басилов и протягивал мне пистолет: «На! Стреляй в мою жену. В порядке обмена».

Хохмачихохмачихохмачи — мачехи вашей давно уж нет, как вы там веселитесь на воле, братушки?

8

«Скука», — сформулировала ты.

Скука сторожит с ножом у пропахших мочой лифтов. Скука лает среди автомашин и бросается на капоты из голого, на четвереньках Кулика, скука подпевает Гарику Сукачеву, и совсем ни в чем не виноватая, пиликающая великую песенку, надевает вещмешок и каску — каску — каску — каску — каску — скука.

Алкаш шел с Калашниковым.

«7! 4! 33! 21 — 15!» — Лифт играл на этажах. Загорались номера. Двери заклинивало. Маньяк медлил.

ROSE

Р О З

— Что пьем?
— Rosé
— Слышала,
в Таллине от-
крылось первое
ночное казино?

У тебя паспорт с собой?

Мы полетели к джинсовому морю.

В чем были — в чесучовых белых прикидах.
В Таллине шел ливень. В гостинице нам как
окупантам не дали места. Мелочи! Зато мы
купили билеты на полуночное открытие кази-
но.

Оставалось десять часов помокнуть. Сквозь
облипший шелк просвечивал твой розовый
позвоночник. «Мэтр?» — окликнули из окошка.
Это был местный классик, знакомый по Моск-
ве, к тому же переведший мою книжонку,
посвященную азартным делам.

Оставляя лужи на мраморном полу, мы
поднялись в особняк. Рюмка коньяку и светская
получасовая беседа. «А где вы остановились?
Ах, нигде... Ах, еще девять часов до открытия?..
Ну заходите как-нибудь в другой раз...»

Еще восемь часов
под ливнем.

РОЗЕРОЗЕРОЗЕРОЗЕРО

РОЗЕРОЗЕРОЗЕРОЗЕРО

РОЗЕРОЗЕРОЗЕРОЗЕРО

В казино нас не пустили без смокинга. Ночь до первого самолета мы провели на скамейке в аэропорту. Злые, с мокрыми ногами. Но это мелочи! Смотри, открывается утренний буфет! Небритые, заспанные пассажиры потянулись к стойке. Ты, белоснежно-красивая, с непроницаемым лицом, машинально стала в очередь. «Мелочи все это, — бодрился я, — зато как прекрасно, что мы здесь одни, на необитаемой земле, никто нас не знает»...

Тут самый небритый и отвратный оторвался от хвоста и направился к нам: «Здравствуйте...» И он назвал твое кинозвездное имя.

Очередь остолбенела.

С непроницаемым лицом ты ответила неземным четко поставленным голосом:

«Здравствуйте, еб вашу мать!»

Онемели. Расступились. Пошедшая пятнами буфетчица сунула нам вне очереди бутылку румынского шампанского.

Сев за столик, я спросил: «Что с тобою?» — «А что, что я такого сказала?» — «Ты сказала: «.....».

«Не может быть. Я думала, что я не вслух, а про себя сказала. С недосыпа, наверное».

Ваш банк, мадам!

Шампанское оказалось розовым — розе, розе розе-розерозеро-зеро

Через неделю ты вернулась в Таллин одна, чтобы забыть забытую мной в аэропорту куртку. Тогда, наверное, ты и начала играть.

Мелочи — мелочи — мелочи — мелочимелочимелочумел — очумел, очумел — мелочи мелочи мелочи.

10

ИНОПЛАНЕТНАЯ РОЗЕТКА ЛЕТЕЛА

Бесстрастная, она высасывала энергию боли из открытой страны.

«Донор — ветер», — слышалось в переговорное устройство.

Внизу лежали километры апатии. Под тонкой пленкой льда лежали балки и болотца, подобно покойникам, только что захороненным в целлофановых мешках. На гробы средств не было. Мертвые бродили между живыми. Мертвые мысли стояли в воздухе. Ты отравилась этим временем.

Ты могла глядеть карты сквозь рубашку. Ты читала обратно ход слова. Ты видела клады. Однажды ты нашла бумажник с тремя тысячами «зеленых». Нашла потерявшего шведа. Дура, отдала.

Резо хотел зарезать меня и сбросить в Куру. Зачем я набросил свой пиджак на плечи его девушки?

Теперь он знаменитый режиссер. Она стала его женой.

Резо—резо—резо—резо—зеро.

11

Что ты плачешь, безногий, с лицом подпaska ?
 Помнишь лязг колеса, переезд, лесок ?
 Наши судьбы, как искры, летят и гаснут
 с оселка точильщика, наискосок ...
 Инвалид Николай проиграл коляску.

колесоколесоколесоколесоколесоколесо
оселок

"Окосел ? О.К !
 а был год
 в завязке..."
 Ты сама
 на нуле,
 Но дала кусок.
 В казино
 за Соколом.
 Без огласки.

оселок
ок

"На ! Играй по маленькой, корешок..."

Через пару лет в Париже был прием в «Максиме» после премьеры «Юноны» и «Авось».

— Но я не захватил смокинг из Москвы, Пьер. Второй смокинг повис на моей вешалке.

Американцы — снобы. Для получения своей премии «Камен уэлш» они требовали быть в смокингах. Их менеджер разговаривал со мной как с больным: «Вы видите, напротив есть магазинчик, там все наши лауреаты — и музыкант, и математик — берут напрокат смокинги. И вы можете, это недорого...» Я возмутился: «Мы в Москве ежедневно ужинаем. И непременно в смокингах». И патристично извлек свой карденовский камуфляж.

13

Что есть крупье? Служка Случая.

Крупье не должен: 1. играть сам, 2. носить смокинг на тельняшку и даже на выстиранные тренировочные костюмы, 3. носить черные очки, чтобы замечать карты, крапленые фосфором, 4. применять «игольчатое колесо», когда в ячейки вставляются тайные иглы, по мере надобности мешающие шариком попадать в гнездо, 5. следить, чтобы другие не применяли «Коварный рукав», когда при помощи электронного устройства изменяют ускорение рулетки, 6. следить, чтобы шарик-крохотуля «о» точно выскакивал на место «а» и т. д., 7. произносить вместо «ан плон» — «ну блин!»

Хаос строго следует своему Закону.

Какое меткое старинное словцо «крупер»? Кто крупер золотой запас? Кто крупер журналистов?

Есть идея — заменить деньги на фишки, тогда исчезнут неплатежи.

Увы, пока я разыскивал тебя по казино, я сам пристрастился к игре. Меня вычислили. Меня выгнали.

14

Под твой локоть, ставя, подлез старик
и когда выныривал — слетел парик!

Закружились в омуте колеса
власавласавласавласавласавласавла —
Савла оскорбленные волоса.

Надо ли описывать, что поднялось?
Все крупье уписались, ловят вихрь волос.

Грива уносилась как от лассо.
Ты теперь красивей, чем Пикассо!

И твой номер выиграл, старик, ура!
Только аннулирована игра.

Русь, куда несешься ты?! — дай ответ.
Мы летим по кругу — исхода нет.

С кулаком нависшим, плюя, хрипя,
милая, черт лысый проклял тебя.

Черт лысый проклял меня.

Я стоял в центре сцены среди ревущего зала. Вернее, висел в воздухе как шарик, не зная, куда деваться. Вокруг

крутились ряды амфитеатра, все ячейки кресел были под номерами.

Вскакивали, вопя, добровольцы.

Так вот ты какое, «игольчатое колесо»! Привелегированные ряды были укомплектованы тайными иглами, вмонтированными в кресла. По мере надобности Крупье из президиума нажимал на педали, и иглы выскакивали. Ораторы вылетали из кресла. Вижжжжжжали от вожделения.

Одна товарищ встала, трепеща от чувства долга и возмущения. Сзади в центре ее тугой трикотажной натяжки голубела дырка от прокола. Она прозрела! Гневный голубой зрачок ее сверкал как у одноглазого циклопа.

Все вопили. Только ты, золотая, молчала, держа рядом с собой пустое кресло для меня.

Черт сверкал надо мной. Правой рукою он кулаком потрясал воздух вверх и вниз, будто спускал воду в туалете старой конструкции.

Одной из версий, почему он орал на меня, было то, что он принял на свой счет метафору «Антиголова». Терзаемый завистью, я всю жизнь пытаюсь приблизиться к этому идеалу.

Через четверть века на аналитической Конференции выставили в витрине нижнюю лысину. Анализана — лизана — анализ отношения власти и интеллигенции.

15

золушка золушка

А эта пара забываема !

Он ставил.

Она была его кошелек.

Мы звали ее "Золушка".

В час проигрыша
она извлекала
из ароматного сапога
теплые,
пропахшие потом
трудовые купюры.

"Козелушко", - грозно стонала она

сапог 42-го размера

таких номеров в казино нет

Он содрогался.

17

БЛИН, КУДА НЕСЕШЬСЯ ТЫ, ДАЙ ОТВЕТ!

Дымящуюся стопку блинов, как стопку победных фишек, ты поставила перед американским гостем.

Икра — красная.

Скатерть — белая.

Гинзберг — голубой.

Прикольный триколор! Проглядывался в его голубизне бизнес небесный.

Сексуальный символ той поры, композитор К. играл нам и пел. Пришедшая с ним первая красавица Москвы сияла. Потом мы поехали на Таганку на семисотый спектакль «Антимиров». Ах, Таганка — бешеная рулетка семидесятых!..

Я сидел рядом с Алленом. В затылок мне дышал Композитор. Автора вызвали на сцену.

Сначала я поприветствовал гостя: «Люди! У нас в зале великий поэт-битник, борец за мир!» Аллен, близоруко шурясь, встал, роскошно-лысый как Карл Маркс, в грязном красном шарфе, наивный ниспровергатель военных блоков, Домостроя и Торы. Публика лупилась на великого.

Я читал на полную катушку. Мне хотелось, чтобы он увидел, как я прохожу не только в Америке, но и дома. Вдруг среди чтения я увидел, как Композитор, схватив за руки Красавицу, выбежал из зала.

Вечер был испорчен. Я погрузил запотевшие очки гостя в такси.

Утром меня разбудил звонок К.: «Ты знаешь, что этот твой ... борец за мир сделал? Он обернулся ко мне, прямо-таки залез в ширинку. Всенародно. Я не дал ему в морду только во имя дружбы народов».

И зал восхищенно глядел, что делает великий борец за мир.

«Он еще вынул свой язык, показывал какой-то пупырь на нем». — пожаловалась Красавица.

Через пару лет, летя из Австралии, я спросил: «Аллен, ты помнишь смуглого Композитора? Ну зачем ты это сделал? Ну влюбился, но почему не подождал конца чтения? А если для рекламы, то пойми, мы отсталые провинциалы, пуритане, ханжи, мы этого не понимаем еще...»

Аллен взглянул сквозь голубые очки: «Я ничего не помню», — ответил он.

Я понял, что он ответил уже с той стороны илюминатора — НАТО — НАТО — тора Тора Тора Тора...

18

ИННА ЧУРИКОВА ЛЕТЕЛА НА ДРАНДУЛЕТКЕ

Достоевский играет в казино «Чехов». Против «Ленкома».

В 66-м году он написал роман «Игрек». А кто «Икс»? — Наверно, Христос. Но неужели «Z» значит «гего»?..

Игра. Графиня-бабушка. Ирреал. Ла Скала. Германн. Наполеон. Полина. Бабушка. Де Грийе. Генерал. Проиграли Аляску. Сериал. Политика. Генерал. Расширение Альянса. Игра.

Царь, прочитав, написал на рукописи: «ОК». Так и напечатали: «ИгрОК». «И грех» — отреагировал граф Толстой. «Горки-3», — уточнили ученички.

РУБЛЕВАЯ ЗАДОЛЖЕННОСТЬ ЛЕТЕЛА НАД РОССИЕЙ

Мы все должны всем. Мы люди долга. Я должен за электричество.

Игра в нашей крови. Это в нас кровь болеет.

РУЛОН ТУАЛЕТНЫЙ ЛЕТЕЛ НАД РОССИЕЙ

Его принимали за след самолета.

19

Русская рулетка
между нас сидела.
Курит сигаретку
женщина Елена.

Выстрелил любимый
ей в висок от дури.
Голову навывлет
просвистела пуля!

Не задела мозга
сказочная пуля.
Ты смеешься — «может,
у меня там пусто?»

Кругленьких два шрама,
как глазок над дверью,
звали не без шарма
в темноту и веру.

В русых завитушках
разместилась метка
более чем русская —
Божия рулетка.

20

Мело, мело по всей земле.
 Меломело меломело - мелом писали
 выигрыш и стирали проигрыш. Зеро, зеро
 по всей земле.
 Тебя вело в тот вечер. Ты взяла кредит у
 казино 2000. Выиграла 4000. Ты отыграла
 квартиру. Щемило под ложечкой. Тебя
 вело. Ты ставила на 19. Вокруг тебя
 росли стопки фишек, как пирами-
 ды. Не хватало коробок, чтобы
 их унести. Подъезжали грузо-
 вые Волги. «Поставь на
 17», — кричал Тигра-
 ныч. Было двенад-
 цать часов
 следующего
 дня.

Тебя вело.
 Сердце летело,
 как на велосипеде.

Вело —
 velo-
 velovelovelovo
 velove — l o v e.

21

Отель «Палас» — паласпаласпаласпаласпала

Вставь электронную карточку-ключ в щель двери — получишь счастье наличными.

За окном было небо и ствол сосны.

Над окном слева и справа, будто нанизанные на шторную палку, стояли стопки фишек. Ты перевернула комнату как надо, чтобы стопки фишек стояли вертикально. Естественно, по законам страсти. Левая стена, естественно, стала полом. Люстры превратились в настенные бра. Дверь оказалась в потолке и, как люк, выводила в небо.

Естественно. Приучайся спать на вертикальной кровати, как спала Любовь Орлова, чтобы личико не отекало!

Зато окно оставалось на прежнем месте. Только сосна в нем висела горизонтально, будто бревно, которое нес невидимый Ленин. Слева от нее стояла стопка фишек. Они парили, можно было начинать игру. Надо жить естественно.

отель палас паласпаласпаласпала
паласпаласпаласпаласпала

22

Веди Мусеньку в кабинет.
Вруби музыку. Туши свет.
На замужество время нет.
Вруби музыку — туши свет.
Отъел пузо, цветной жилет.
Исполняем велосипед.
Все мы узники. Пьяный бред.
Мы играем последний сет.
Вруби музыку. Туши свет.
В Новокунцева места нет.
Ангел муки во мраке лет
включил музыку, гасит свет.

Ты вышла в дверь через потолок. Естественно.

Ты шла параллельно земле. Ты могла играть на клавиатуре березы.

Господь, успокой ее мятущуюся душу! Поставь на ее пути деревянный ворот сельского колодца. Его вертикальное старенькое колесо колесо противостоит горизонтальным игровым кругам. Напой ее из студеного ведерка, прикрепи к цепи. Упусти ведро.

Тебя упустили на дно, как ведро.

23

Русские — люди непредсказуемые.
Они поэты и киллера.
Непроницаема, как Казуки,
непредсказуемая игра.
Непредсказуемо папа с мамой
стали тобою. Мы — дети мглы
Для предстоящей Иной программы
нас тренирует азарт игры.
Ненаказуемые прозренья
непредсказуемого козла.
Но над страную, где оборзели,
дрожат жемчужные образа.
Зуммер мешал. И небесах играло
Бог поставил — Ему везло! —
на непредсказуемые рояли
принца из нищей страны-зеро...
Твои приблизятся невозможно,
у переносицы, где слеза,
как бесконечность или восьмерка,
непредсказуемые глаза.

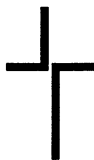
24

Игра существовала до человека.

Один из трех друзей ударил меня
в спину.

Надо было угадать - кто ?

Я обернулся. Вижу три улыбки
и три радостных кулака с поднятыми
большими пальцами -
три дружелюбных шестерки.

Сними со лба мучительные мысли,
невидимой фигуркой взяв в персты.
и христианским жестом шахматистки —
ходом коня
себя
перекрести.

Остановил фары на шоссе. Левак согласился подождать у рынка.

На рынке бабки выгружали плотные тяжелые снопы перевязанных веревками ромашек — крупных рижских длинноногих ромах! Он набил ими багажник.

Первый пучок ромашек угодил тебе на плечи. Ты зарылась под подушку. Зеленый мокрый скользкий шквал достигал тебя всюду. Ты не понимала, откуда летел этот золотой чудесный отвратительный дождь! Ты визжала. Чтобы не пугать соседей, он врубил Битла.

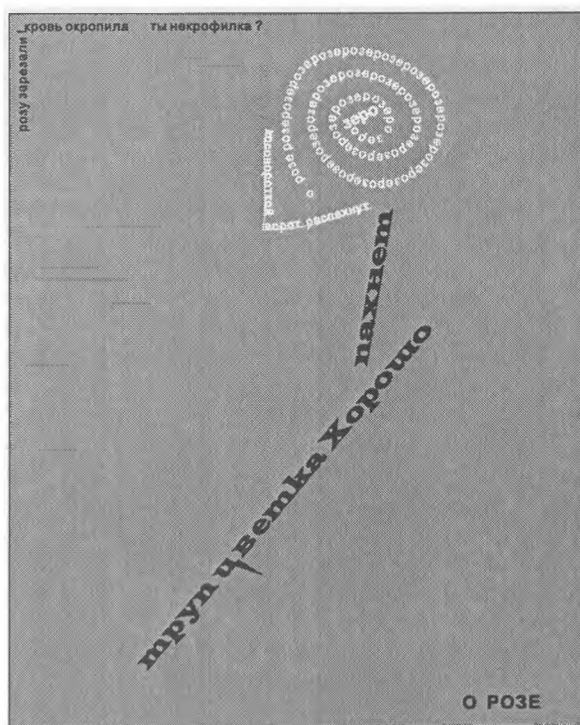
«Любит — не любит?» — золотой дождь, куда там Данае, сыпался на тебя. Летели дукаты, луидоры — что там зеленые купюры рядом с этим щедрым дождем счастья! «Плюнет — поцелует?» — твое загорелое бедро, как наяда сквозь водоросли, выскальзывало сквозь мокрые стебли. «К сердцу прижмет? К черту пошлет?» — ты царапалась, ты проснулась, ты просияла. Ты поняла — это был не сон. «Любит, любит, любитлюбитлюбитл...»

Самолет отлетал в 14.30. Ты приготовила глазунью из четырех ромашек. Потом, сопя и глотая слезы, складывала всю тонну ромашек стеблем к стеблю, стеблем к стеблю. Ты не хотела их терять. И на аэродроме ты стояла, обхватив как сноп их в своих объятьях.

Лепесток прилип к мокрой обгорелой скуле. Потом ее не стало видно.

Ромашка ромашка — мошкара мошкарамошкарамошкара.

28

29

что с тобой?

32

Тиграныч все не отдавал долга. Его заморозили в рефрижераторе для перевозки говяжьих туш.

Причем тут казино? Не дилер же засовывал его в холодильник!

Эпоха глухонемая.
 Тону. По поэме круги.
 Друзья меня не понимают.
 А кто понимает — враги.
 На крыше антеинка, как скрепка,
 пришпилит из неба тетрадь.
 И нет тебя, Нина Искренно,
 чтоб было кому почитать.

33

Мела метель из фальшивых чеков.
В ночь на тридцатое декабря
вошел священник в казино «Чехов».
И прочитал нам два тропаря.

Татуированным и крапленным
он отслужил. Окропил углы.
Тебя окропил. Пригубил крепленого.
И пожелал счастливой игры.

Вошел священник в обитель блуда,
как в Магдалину вошел Господь.
Не выбирает вино сосуда —
одухотворяет из глины плоть.

Двое в углу, отвернувшись вдруг,
отказались от его услуг.

«Я видел — в четверг он играл в «Метелице», —
сказал передернувшийся другой.
Господь, спаси его душу мятежную!
А он все молился за нас с тобой.

Еще осталось, на что надеяться.
Металлоконтроль, как в аэропорту,
прошел он. И улетел в «Метелицу».
Перекрестивши нас на лету.

34

К Яру!.. рулили гости.
«Я рулетка!» — вопила поддатая. В меня закатился шарик. Я беременна от вечного времени».

Я — рулетка
Я лежу на операционном столе. В каком-то соборе.
Кружится голова.
Я чувствую реставраторов над собою.
Почти вся Москва.
Поэт Бизнесенский с тремя трефовыми дамами,
Хандамов,
похожий на А. Н. Яковлева Сократ...
Я знаю, что когда-нибудь
ты придешь на меня сыграть.
Столетия стоят. Кто-то тычет штопором.
Неужели удалят Чечню?
Когда ставят на пупок Севастополя,
чувствую, сейчас чихну...

Лежу. Губернии расплзаются.
Но холодком потягивает к утру.
Я слышу твой голос — полный абзац!
Тыходишь ломать игру.

Жарко шарик. Здесь все Останкино.
Но мне надоело лежать.
Я хватаю тебя за руки, всех расталкиваю
и — бежать!

Милая, как ты от счастья жмуришься!
В ужасе дамы трэф:
«Держите жмурика!»
Мы прячемся в левый неф.

Мимо несутся менты и нимфы.
Столетия. Толпа.
Над тобой сияют рублевские нимбы,
как рулетки, поставленные на попа.

35

Я раскручиваю тебя обратно,
обрядно —

36-1

ЭПИЛОГ

**Я раскручиваю тебя обратно,
акробатно —**

**«А мрак?» — упираешься ты. «Карма», — откручиваю я.
кармакармакармакармакарМакар — Макар Девушкин?
Очень приятно.**

**Я раскручиваю тебя обратно,
возвращается первенец из аборта,
желтый особняк вылупливается из скорлупы**

Нового Арбата,

пленка крутится в аппаратной.

Я раскручиваю тебя обратно.

В чей скелет превратился телекс?

Возвращает наган свой Юсупов Феликс.

(и под ролик фрейлины пляшут фрейликс)

Соучастница случая, ты не рада?

Эмигрантка, вдруг в лагерь вернут обратно?

Осени крестом и сестру и брата.

Я в слова играю не для отрады —

я отыгрываю тебя обратно.

«Адидас», — защищаешься ты.

«Сади сад! Сади сад! Сади сад! Все назад».

Против стрелки везу тебя на Восток,
где луга над озером, как Вудсток.
«Севан», — жмуришься ты. «Навес», — догадываюсь я
и натягиваю тент параллельно земле, чтобы
ты не сгорела.

навеснавеснавеснавеснавеснавес — в е с н а !

С п а с е н а !

На спине твоей золотые пятна.
Говоришь: «Я вернулась в себя обратно.
И совсем не тянет в казино отвратное...»

А ночами свежо. Согревает шкалик.
И луна сверкнет на зрачке, как...

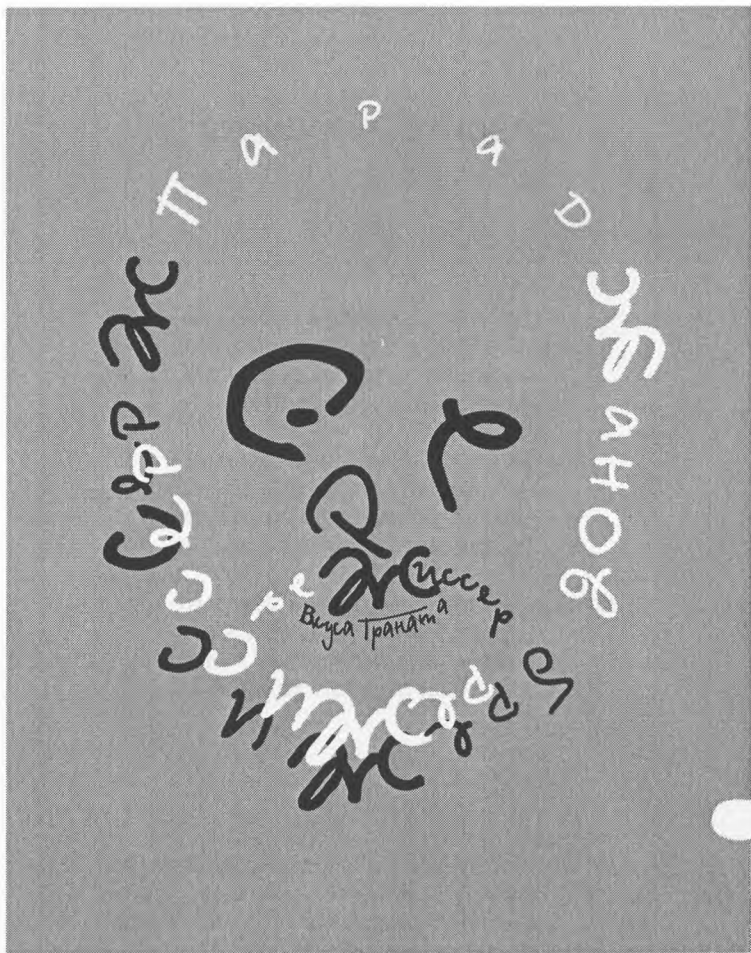

Вот все. Умчалась моя повесть,
как починивший крылья стриж.
Живу. Но все не успокоюсь —
«Неужто ты меня простишь?»

За нож, оставшийся под кожей,
за то, что спутал имена,
дурного игровишку, Боже,
неужто Ты простишь меня?

Мы жили жизнью, Богом данной.
Но из всей музыки Его
есть Страдивари сострадания.
И больше нету ничего.

спасите черемуху

Видеома-портрет С. Параджанова

СПАСИТЕ ЧЕРЕМУХУ

Спасите черемуху! Как в целлофаны,
деревья замотаны исчервленные.
Вы в них целовались. Летят циферблаты.
Спасите черемуху!

Вы, гонщики жизни в Чероки красивом,
ты, панк со щеками, как чашка Чехонина...
Мы без черемухи — не Россия.
Спасите черемуху.

Зачем красоту пожирают никчёмные?!
К чему, некоммерческая черемуха,
ты запахом рома дышала нам в щеки,
как тыщи волшебных капроновых щеточек!

Ее, как заразу, как класс, вырубают
под смех зачумленный.
Я из солидарности в белой рубахе
сутуло живу, как над речкой черемуха.

Леса без черемухи — склад древесины.
Черемухи хочется! Так клавишину
Чайковского хочется. К вечеру сильно
и вкладчице «Чары», и телке в косынке,
несчастливым в отсидке, и просто России,

опаутиненной до Охотского,
черемухи хотца, черемухи хотца,
вместо газа одноименного
черемухи хочется. Сдохла черемуха.

Приду, обниму тебя за оградой,
но сердце прилипнет к сетям шелкопряда.
Шевелятся черви в душе очарованной...
Спасите черемуху!

Придет без черемухи век очередной.
Себя мы сожрали, чмуры и чмуренихи.
Лесную молитву спасите, черемуху!
Спаситесь черемухой.

АРЕНДА

Рухнул мир Левиафана.
Мой последний закидон —
арендную у Литфонда
желтый дом.

Соскребаю всю валюту
и влагаю в развалюху.
Крою крышу, стены строю
на песке.
В сташный год — сажу левкой.
Строю собственность Литфонду —
не себе

Снится штукатуру Насте —
НАСТЕНАСТЕНА С Т Е Н А.
«Плитка — плиткاپлиткاپлиткاپлитка...
«Капли-ит», — говорит она.

Все в разрухе — из афронта
строй, дурак!
Друг из Бруклина шлет фото,
мол, гуд лак!..
Мой адрес — мрак.

За заборчиком лимонным
растит репу и бурак
запредельный член Литфонда
Пастернак.

* * *

Я не верю в кошмар изотермы
без людей — без певца, без кинто...
Не затем на земле хризантемы,
чтобы их не увидел никто.

* * *

Не бросайте мусор у моей калитки!
Жгу я горы Мальборо — бедности улики.

Пусть вы даже Пушкин или даже Мусин —
у моей избушки не бросайте мусор!

Я взялся за гуж—
гуж гужгужгужгужгужгу—жгу...
целофанов Гиндукуш
отдан красному флажку.

Мечется в поп-музыке пламя Сарасате...
У моей избушки души не бросайте.

ОЧИСТИ, СНЕГ

«Очисти, снег, страну,
сознание очисти.
Телеэкрaн души
зашкален от помех.
Мне непонятно, с кем
помолвлена отчизна.
Очисти душу, снег.
(На клавишах берез,
взлетев, сыграем «Чижик».
Все пьяные, как снег,
целуемся при всех).
...В душе метет метель —
предсвадебный мальчишник?
Смертельно люблю снег.

Люблю ногами вверх
висящие кальсоны.
В морозе, как собор
из колоколен двух.
Очисти, снег, страну,
неконституционно,
исповедью вслух.
Очисти, снег, страну,
сейчас, без промедленья!
Не трогай, гнев, страну.
Пусть к нам слетит с небес
мольба объединенья.
Я снегу присягну».

ЛЕТАЛЬНЫЙ ЛЕЙТЕНАНТ*П. Степанову*

Трупами в Чечне
Вымощенный ад.
Текст исправил мне
мертвый лейтенант.

Парень с того света,
на мои мечтанья
имел право вето
лейтенант летальный.

«Вечного покоя»
нету, Левитан!
Не зарыт покойный
вечный лейтенант.

В трупах неопознанных
нашла его мать.
Он приходит поздно.
Не дает спать.

Я не бил в литавры —
почему ж он ждет?
Их не я в летальный
отправлял поход.

Мука винтовая
тычется в окно.
Все мы виноваты
неопознанно.

Ты служил в Самаре.
Сев на парапет,
женщину шаманя,
под гитару пел.

Таня ли, Наталья —
разберет Аллах...
Но снежок не тает
на его губах...

Будто в телящике
мутно от помех —
полосы тельняшки
переходят в снег.

Как вопрос नेताющий
«кто виноват?»,
над страной летает
летальный лейтенант.

ДАЧА

В темени неопознанной
есть подмосковный дом.
В нем под ножом сапожным
женщина — под ножом!
Повреждена не кожа
в маске мадам Роша —
просто ножом сапожным
повреждена душа.
Это на многом скажется.
Красен долг платежом.
В нашей стране, где каждая
женщина под ножом —
на ежедневной тризне,
где нелюбимым лжем,
А у любимых — трижды
женщина под ножом...
Вот почему так горестно
в поле, где этот дом,
воздух дрожит, как горлышко
женщины под ножом.

ВЕТЕРАН

Кому ты нужен, мужичок, кому ты нужен?
Ты бил ладонью в мозжечок. Был перегружен.

Кому-то нужен твой кулак, кому ты нужен?
Державе, потерявшей флаг и затонувшей?
Обрубок двадцати двух лет на самокатке,
ты, словно карточный валет,
верней — полкарты.

Тебя порвали шулера.
Что загадал ты?
Держава, что была вчера,
сама — полкарты...

Кому ты нужен, полвальта? Сгорел «Ильюшин».
Над раскладушкой, сволота, висят иллюзии.
Ни в МУР, ни в школу киллеров. Душа контужена!
Засунут спьяну Гиляровский под подушку
без наволочки. Бьет сосед тебя, как грушу...

...Но где-то, как рассветный сон над Гиндукушем,
есть одинокая душа, кому ты нужен.
Не накопила ни шиша, одни веснушки.

Кому ты, милая, нужна, с такими данными?
«Ты мне нужна. А кто не «за» — получит санкцию
ножа десантного. Прости. Прорвемся. Сдюжим...»

Жизнь — шанс единственный найти, кому ты нужен.

УЕДЕМ В НН

Уедем в Нижний. Помянем Минина.
Душе есть ниша.
Уединимся. Хотя б на минимум,
уедем в Нижний.

Пройдемся утренним Кремлем, заштопанным
суровой ниткой.
На что нам Ницца? Ницше, нишкни!
Уедем в Нижний.

Поддернет мели подол кремлевский,
как юбки нижние.
В НН уедем. Скрипач крепленным
зальет манишку.

Гвардейцем аглицким мерзнет клубничка
последняя. Душою нищей
я эмигрирую в твою глубинку,
хотя чувствительность ненавижу.

Я города обожаю волжские.
Как яблок, срезанный пополам,
вы сердцевиною расположены
лицом на Волгу, лицом к лугам!

Мне волжский житель
родней приходится,
на «О» он говорит.
А New-York-City,
он переводится
почти как «Новгород».

МАСЛЕНИЦА

Что трезвонит нам доподлинно
колокольная весна?

— Блин! блин!
Полблина! полблина!
четверть блина!

на!

Но Билибину билингвельно
откликается страна:
— Бил Клинтон! Бил Клинтон!
Пол Маккартни!
Обана!..

У Америки индейка.
Масленица нам дана.
Национальная идея
начинается с блина.

Я люблю друзей с иголки
в блинной у Тверских ворот,
где буфетчица икорочку,
чтоб блистала, облизнет.

Блин тончайший, точно кружево.
Проспиртованный при том.
Как прохожий, разутюженный
асфальтовым катком.

Масленица в преисподней.
Ахнул ведьму серафим.
Восхищение сегодня.
выражаем словом «блин».

Ты — блин, я, блин,
Явлинский, блин,
я — полблина, ты — четверть блина...

Ну, и блинная страна!

СЛАЛОМ

как с карниза свищет слалом - сатанист
и снежок тревожит ноздри как анис -

анизе кольц

анисанисанисанисанисани
анизанизанизанизанизани
санисанисанисанисанисани

сами сами
в капюшоне как саами мисс
на свиданье схватишь приз
ну а если разобъешься -
то приснись сани сани

 сторонись!
стукнулись носами

слышишь ангелов осанны ?
и снежком пахнул анис
и летят пустые сани
сани сани сами

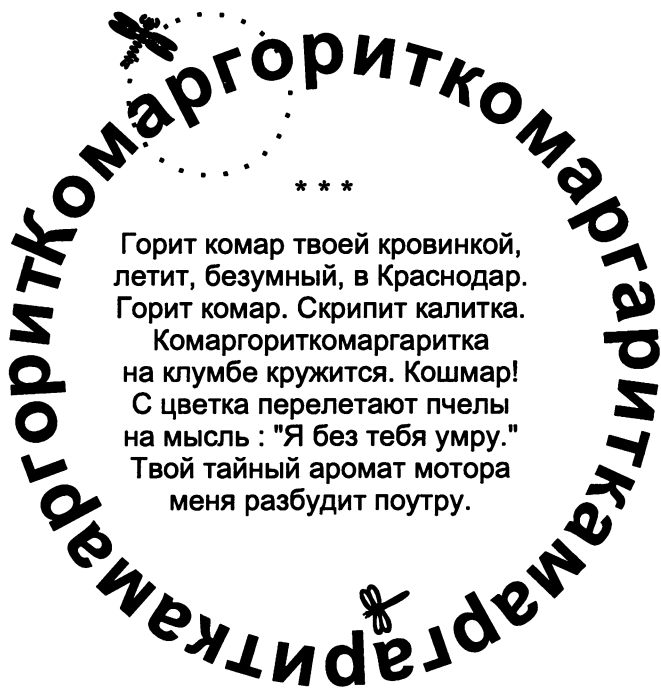
анис

"Sach a verse" - зайдусь
 в черных джинсах гроза на даче
 на заду моем сверстана металлическая Медуза -
 сверкаюче

к неудаче

Отмыли аудиторы Иуду.
Он не предавал Господня сына.
Обниму тебя, с тобой побуду,
две тыщи лет дрожащая осина...

В ХРАМЕ

Древний храм, окладами нехилый.
Бабки горемычные.
Со свечой заказывает киллер
службу по Димитрию.

Долог его список поминальный.
И свеча, как ствол круга.
Со свечою профессиональная
не дрожит рука.

Как дымок струится над стволами,
над свечой чадит
с черною каемочкою пламя.
И глаза слезит.

МИНЧАНКА*И. Халип*

Ирина, сирена Свободы,
шопеновской музыки,
забьют тебя без стыдобы
бронированные мужики.

По телеку шлемы и шабаш.
Свалив на асфальт, скоты,
«Шайбу! — лупили — шайбу!»
Но шайбочка — это ты.

За что? что живут не слишком? —
за то, что ты молода?
за стрижиную твою, стижку,
упавшую, как звезда?

Ты что-то кричишь из телека.
Упала, не заслонясь.
Отец твой прикрыл тебя телом.
А я из Москвы не спас.

И кто на плечах любимых
твоих, Ирина, плечах
почувствует след дубины?
ты ночью начнешь кричать.

Лицо твое вспухло, как кукиш,
Губы раскровеня...
Ты встретишь меня. Поцелуешь,
А надо бы плюнуть в меня.

ДИСПУТ

- У вас «Смирнов» и у нас «SMIRNOFF».
- Но у наших орлов
вдвое больше голов.
- У вас нет тайги.
И у нас нет тайги.
(Японцем спилена на торги.)
- У вас Ге, а у нас — Танги.
- У вас скорби, у вас Горби,
а у нас орхидеи в колбе.
- И у вас, и у нас есть посольства в Киеве.
- У вас самая лучшая в мире Хиллари.
- А у нас лучше киллеры.

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ РОМАНС

— О чем печалишься, моя бесценная?

— Я вся бесцельная.

Мои родители — совсем не церберы,
жизнь офицерская, но бесцельная.

Мои приятели — фанаты Цеппелина,
натуры цельные, но бесцельные.

Скушны бестселлеры...

Была я целкою — хоть все не нравилось,
была какая-то целенаправленность.

Страна за церковью — с нормальным Цельсием,
не полицейская, но бесцельная...

И пес безухий, как брат Винцента,
воет талантливо. Но бесцельно.

* * *

Мотыльковый твой возраст
на глазах умирает.
Обратиться ли в розыск?
Обвинят в аморалке.

Каждый раз после встречи
мотыльковые чувства,
мотыльковые плечи
на руках остаются.

Матерком твоим чистым
и толковым уменьем —
тороплюсь облучиться
чудным исчезновеньем

Свет толкущийся, тайный
над тобою не тает —
мотыльки улетают!
мотыльки улетают!

Жемчуга среди щепня.
Ландыши среди хвороста.
Расставанья волшебные
мотылькового возраста.

* * *

Едва просыпаюсь во мраке,
шуршит непонятный маршрут
кроссовки, как белые раки,
как белые раки ползут,
суровые шейки шнуровок
шевелиются, спать не дают.
Опять ты сбежала с уроков,
красотка! И шлепаешь тут...

НИРВАНА

Я сознанию учусь параллельному.
Из Сииндзяна гуру мой с портфелем.

К потолку уплывают колени.
И нирвана дымит куренья,
Словно профили параллельные
Маркса-Энгельса-Сталина-Ленина.

Жизнь бежит за стеной молельни.
Параллельны мы, параллельны.
Поправели вы? полевели вы?
Параллельны мы, параллельные.

Параллельные окна завешены.
Параллельные женщины.
Параллельны мы, параллельные.
Нас поймут через поколение.

Над трамплином в небо смертельное,
как двуперстие на дорогу,
взвиты лыжины II,
словно путь Николая II.

Что ищу на горе Поклонной,
в нимбах, демонах, снах неузнанных?.
Я ищу пропашую школьницу
в наушничках.

С рюкзачком она, как бойскаут.
Ее демоны не отпускают.
Ты во всем меня понимаешь,
как в наушниках Микки-Маус.
Как в нас демоны заревели,
когда встретились параллели!

Как зовут тебя в мире странном?
Ты не слышишь. Ты не ответишь.
Лишь мерцает сквозь суперветошь
имя вышитое: «Нирвана».

Называемая Нирваною,
моя школьница параллельная,
как минер, углубясь в мембраны,
ты смеешься:
«Нет мин. Проверено».
То, что раньше считалось — рано,
стало майками от Версаче.
Вранье взрослых переворачиваем
в палиндром — А НАВРИ, НИРВАНА.

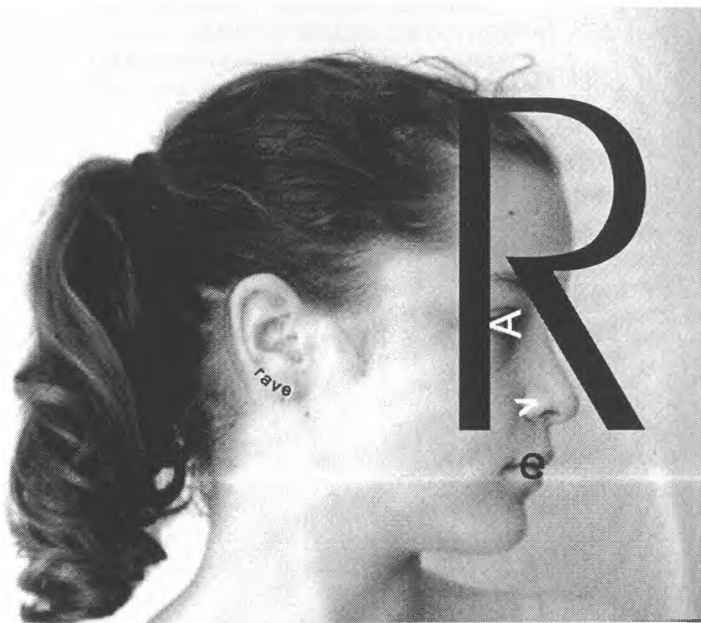
Собираемся на Поклонной,
люди роликов, после школ.
Катитесь, Наполеоны,
на колесиках своих шпор!

Не на Лысой горе — на Поклонной,
не задев отставных полковников,
мы не варвары, мы не эллины,
мы парим, нирванопоклонники,
параллельное поколение!..»

Между пьяниц с глазами кроликов,
как прабабка твоя меж пьяными,
ты скользишь, королева роликов,
именуемая Нирваною!

Ах, Нирвана, свобода зверская,
с синячками от банды сверстников..
Параллельны мы, параллельные...
Вас поймут через поколение.

ave rave

Видеома-портрет Артемиды, модели Цоклиса

ЖИВИТЕ В РИТМЕ 217 УДАРОВ В МИНУТУ!

Рейв — это круто.

Скакал Блаженный в цветных бермудах
над снежной площадью. Рейв!

Рейв, Рейв! Перегрев.

Пить хочется! Выпью Волгу, Рейн,
Енисей, Лену — ленуленуленуленуленуле...

— На нуле я. Ну?..

Мужик, ссуди на один дрейф...

Моя «Девочка в автомате»? Мерзнет.
В туфельках почему-то.

Я стоял у Архивного института.
Я почувствовал 200 ударов в минуту.

Так я познакомился с мисс Рейв.

gave — gavegaveraverAVERAVEgave,
Это демон вышел в рейд.
Ангелочки Рафаэля
под фанеру пляшут рейв.
Контркультура экстази
не выносит экс-стези!
Мы летим в автомобиле.
«Милый, do you love Ravel?»
Я люблю «Ave Maria»,
ты врубила: «Ave gave»

— Вы что, шизануты?!
ДАВНО УЖЕ ТРИСТА УДАРОВ В МИНУТУ.

Задыхаясь от сердцебиенья,
ты говоришь мне: «Родненький!
Вы — алкоголиков поколение.
А мы — кислотники.

Вы бессердечны, как нотабене;
вы рэкетеры —
сердцебиенье, сердцебиенье,
сердцебиенье — основа мира.

Меня спросили, мною беременея?
Спросили, Россию когда мочили?
Мы погибаем от сердцебиенья,
мы цифр мцыри!

Без тормозов понеслась моя «Вольво».
 Пить дай, Арбенин!
 В гены вонзился клещ удовольствия
 сердцебиенье, сердцебиенье...

Мы — добровольцы нового дьявола?
 Нет исцеленья, милые семьи...
 Сердце обмануто новою явью
 сердцебиенья, сердцебиенья.

Значит, кому-то нужно как минимум,
 чтоб, осыпая нас конфетти,
 тайные фетовские жасмины
 вырабатывали амфетин?»

(Неясно, сколько ударов в мин.)

Ravegavegavegavegave,
 неважно — русский или еврей,
 быстрее, миленький, быстрее!..
 Кто рехнулся в Третий рейх?
 Ревет абзац со всех широт.
 Бык Апис децибелы ревет.
 В тридцать лет валитесь к ляду!
 Только молодость чиста.
 Миром правят ангелята
 вместо старого Христа.
 рейврейврейврейврейврейврейврейв!
 андрейвознесенский воспой, не дрейфь,
 автоматчицу в ритме рейв.
 рейврейврейврейврейврейврейв!

**Милиционеры галлюцинируют,
убийств раскрытие инсценируют.**

**Парламент — это галлюцинации
в гальюне нации.**

**Галлюцинирует матрона голая,
верблюда вдевшая в ушко игольное.**

**И говорят, под Наро-Фоминском
есть центр по выработке информ-морфина.**

**Орел ли, звездочка ль на Кремле —
но все равно сидит на игле»...**

Я взглянул на часы: прошло полминуты.

**До свиданья, империя вербного Спаса!
Как ведерки с шампанским, стоят кивера
Вера новая явится без реверанса —
рейвера, рейвера, рейвера, рейвера,**

**Замени идеолога, гладиолус!..
РЕЙВЕРАРЕЙВЕРАРЕЙ, ВЕРА, РЕЙ!
Это дьявола голос или ангела голос?
Вера, рей над реальностью — только быстреей.**

**Ширак переводит Лермонтова
Нью-Йорк вверх ногами стол
Бог запил
виной оборачивается восторг**

стрекозы целуются хвостиками как запонки

***есть третья реальность
где стол есть стол
но пока ее никто не нашел***

VIII

**Что скажу, дитя-подруга?
Сам я вырвался из круга
чудом. Заварил мне Аллен
мексиканский мухомор.
Его пепел ветер развеял.
Может виртуален, Гинсберг?
В городах ведут и избах
рейв и рейвен вечный спор.
Пусть не танцевал он рейва
он пророк сердцебиенья,
и над ним, как «Ave, Allen»,
«Ave gave» исполнит хор.
Что кричишь ты, ангел, дьявол?
«Ре минор» или «кор-хор»?
Ни нетто, ни брутто,
лишь бесконечность в минуту.**

***Я взглянул на часы: прошло три
четверти минуты.***

**Это знает любая лярва
и парень, сирьгнувший с Эмпайер-билдинг.
Любовь — стимулятор. Любовь—стимулятор.
НА ТРИСТА УДАРОВ В МИНУТУ ЛЮБИТЕ!**

**Когда ты яблоко рванула с древа,
испуг белокурый уткнув в сирени,
весь Сад содрогнулся от первого рейва —
сердцебиенье, сердцебиенье.**

**Живите с Ивитой, с женою Мобуту,
используйте мужа вместо вибраторов,
но полюбите — хотя бы минутку—
без стимуляторов, без стимуляторов!**

**Меняйте прокладки в дирол-ксилите,
но только любите, как скрипка Менухина!
Врагов возлюбите —
лупите по 300 ударов в минуту.**

**Звонит из Лос-Анжелоса будильник.
Там погибает от дребедени
сердцебиение Боба Дилана.
Грибы съедают сердцебиенье.**

**Мы все в себе убиваем детство,
«Роялем» травясь, на Дали давясь.
ГЕНИЙ — ЭТО ЗЛОДЕЙСТВО.
Детство, мстя, убивает нас.**

**Как вы, взрослые, ее кинули;
Экзальтированные вурдалаки!
Детство отнявши у вундеркинда,
все виноваты —
кураторши-куры, и дозы дури,
дельцы, раскручивающие феномен,
и весь итог мировой культуры
в тебе виновен, в тебе виновен.**

**Разбившийся ангел с улыбкою кино?
демон, лежащий для монтажа?..
Господи, как они тебя кинули
с пятого этажа!**

**Бутон на тумбочке. Мандарины.
Мы все виновны, не разглядевши
под взрослой мукою вундеркинда
сердечко детское,**

**На койке больничной твоей рот
искусанный.
Но вдруг не поздно восстановленье
сердцебиения неискusstvenного
путем искусственного сердцебиенья?**

**Аве, рэйв, сердечко, фантик?
Где тебя я видел раньше?
Может, ты была инфантой
у Веласкеса, мисс Рейв?**

**— Помнишь, девочку убили?
Во дворце меня родили.
И мальчишкой подменили
в городишке масти треф.
Рейвен подлетал к могиле
в вороном автомобиле.
Я умчалась крошка-грех...
В андеграундных прикидах,
педофильские элиты
набирают упырей.
И в конце тысячелетья
в малолетней русской леди
бьюсь подсаженное сердце
вроде Дорианы Грей.**

Я приучаю тебя к стихосложению. Мы понимаем друг друга с полуслова. Вот первое стихотворение мисс Рейв:

**«Вы нас духовно богаче, забулдыги-
отцы.
Вы сдавали многоразовые бутылки,
А мы — одноразовые шприцы».**

Убежав из дома, ты подружилась с бомжем. Он не имел места жительства. Бомжу звонили по пейджеру.

**Тут ты выворачиваешь себя
наизнанку.
Кишками наружу.
— Это я!
Этот мир мой внутренний.
Гляди, на сердце царские знаки —
след от любящего ножа.
Бренчит печенка, как нумизматка.
Почки фырчат, как будто нутрии,
дрожа.**

**Трахеи. Трубочки удовольствия —
страх селезенки. Влезает слеза
по пожарной лесенке
с внутренней стороны в глаза.
Как норка души,
под нательным крестиком
вилочкова железа.**

**Алые, трепещущие, лиловые.
Пульсируют розовые салюты**

**со скоростью тыща ударов в минут
Это я?**

**Это мой анатомический театр,
мой разбившийся демон,
мои волнующие кулисы,
мои романы, страхи, убийства.**

**Что же вы все от меня шарахаетесь?
Вы что, накурились?**

**Это же я, Ваша мисс Рейв,
которую вы любили, вводили в
компьютер, хотели трахнуть.
Я люблю вас, я улыбаюсь вам всем.**

**Я улыбаюсь шесть на девять. Я
улыбаюсь девять на двенадцать.
Учись, Мона Лиза, говорить «cheess».
Губы больше мне не мешают.**

**Мои зубы сверкают, как Белый дом,
очищенный от копоты?
Сольемся в нездешнем опыте! Улыбайтесь.**

Помню, я убежала к моему морю. До черного горизонта белели обрывки полосок. Пригляделась: это были зубы. Море скалилось. Зубы, зубы! Я поняла: это море смерти. Плясали оскаленные улыбки. Этот зарезал меня в зыбке! Луна сверкала на пломбочках. Зубы хотели кусать меня, сожрать. Это был рейв смерти. Ужас ударов в минуту. Мне стало весело и страшно.

Береза в ночное небо уносится, как белозубая улыбка в лифте.

Улыбнитесь мне, осчастливьте. Увеличьте число ударов. На моей эмали розовеют отсветы сердца. Оно дышит, как грудь без лифчика. Жарко. Я прощаю вас. Хочется просто тепла.

Открываю вам сердце, неприступное, как скала —
скала — скаласкаласкаласкаласкаласкаласкала.

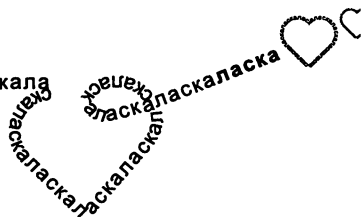
Любовь — Ла Скала тела,

зскаласкаласкаласкаласкаласкала

сердечко выскочило

улетело

в третью реальность

Осторожней! В небе рейвен.

Он нервен.

У него пустое чрево,

У, черва!

У, пика!

Бой. Дико!

Сердце бьется с сатаной,

черва — с черною каймою.

Рейв, рейв, рейв,

рейвен, рейвен, рейвен.

Бог. Кайф. Грех.

Рюрик. Рерих. Ленин.

Я нацеливаю ружье. У-дар! Кор-хор,

Люрекс скрылся за бугор.

Там Ванесса Редгрейв

выбирает красный рейв,

мировой пожар ревкома.

Рейв. Кома.

**Ничего не предвещало.
На носилках увезли.
Больше в жизни обветшалай
ты не выдашь новизны.**

**Ах, мисс Рейв, моя ломака,
Вера Чашкина в миру,
дикую соломкой маковой
ты сломалась на ветру.**

**Ты мне не объяснишь весну.
Кому я осень объясню?**

**Прости, сердечко оцепенелое!
Врач возвратит тебя, подожди,
Дистанционно сердцебиенье
реанимирующей нас звезды.**

**Боже, неужто и Ты без сердца?
Как все познать? Как понять, простя
даже когда за убийством младенцев
явится сердцебиенье Христа?!**

D.S.

**Ариадны и Дианы,
натяните лук быстрее!
Рухнул век как гладиатор,
прохрипевши: «Ave, gave»**

**Но когда вижу — рубят сирени
или рэйвфруты везут в участок,
слышу твой голос: «Сердцебиенье,
сердцебиенье — основа счастья».**

**аве жизнь
аве gain из лягушек и змей
аве ворон как черная кошка небес
аве рейс виртуальный Господен рэйс
аве летнее сердце весны твоей
не считайте минуты!
аверэйврэйверарэй ВЕРА РЕЙ
аве пьяный компьютер**

**кто счастливый падет
под копыта коней?**

AVE, RAVE!

окружное

О.К. ROUGE NO "УЕ"

обожаю Окружное ноев сердце

пятирядной бороною убежим от ^{жигуленок - колобок}
Паранойи Моет!

ты со мною в моторолле : "привези мне клипсы
" где же кружка ?"

О.К. руж ? Но - "е"."е"."е"
сзади всмятку ^{елодвеш} О.К. rouge ! "уе"."уе"
О.К. rouge ? "уе" - "уе"

ОКРУЖНОЕ НОЕВ ГОРОД НОЧЬ БОГ

без ига ига ига ига ига ига ига ига

свобода м и г а

гони !
"мерс" мимо

Смерть мимо

ПАРЛАМЕНТЕР

Безоружный парламентарий,
белой кляксой через вражду,
я в единственном экземпляре
на кровавой земле выхожу.

Чтобы было удобней для снайпера,
приколю значок арт-нуво.
Я не предал белое знамя,
просто я завернулся в него.

Может, ангелы или либидо,
смывши красный и черный квадрат,
в виде белого параллелепипеда
нам естественный свет возвратят.

Бегу тропкой неактуальной,
но когда заболеешь ты,
неактуальная интеллектуальность
разорвет себя на бинты.

Эмблематики в изобилии —
лишь бы снова инструктор не смог
королевские белые лилии
в пионерский покрасить значок.

Бейте грязью по табула раза!
Ваши души очистит не флаг —
в форме белого унитаза
круглый лацканами пиджак.

ЧУЧЕЛОВЕЧЕ

Есть у великих словно Казбек,
чудик-предтеча.
Бродит меж нами духовный чучмек —
чучеловече.

«Чучеловече» зовите меня,
я вам отвечу,
Смейтесь, за все ваши беды вина
чучеловечу.

Вам ордена за победу в Чечне,
мне же — увечье.
Не понимает ученья Чучхе
чучеловече.

Кто черные четки рассыпал в лесу —
помет овечий?
Все — на метле, а я просто лечу —
чу? — человек.

Чудище-вече кремлевской попсы
нас осудило.
Целят все мученики в небеси,
но я, чудило,

всюду свои забываю очки.
Это — стрекозы,
чтобы мы с милой белый нашли
за Востряковым...

Из-за меня ваша участь темна.
Я не перечу.

черт черным нимбом крутит меня - чучеловечу -

РУССКИЕ СИАМОЧКИ

Пропала сиамочка!
Бродит меж бутылок
древней египтяночки
стриженный затылок.

А в кафе у Гитиса
курят ее сестры
с гибкою египетской
стриженою шерсткой.

Новости кофейные
чашечками пьют они —
чай, о котофейчах
и мышах компьютерных.

Мне твою семантику
не понять — простите —
русская сиамочка
в стрижке Нефертити,

Что за сила тянет
между клипс-кавычек
к вечным египтянкам
временных москвичек?

Загадочное самое
в наших днях постылых —
самочки-сиамочки
стриженный затылок!

АКТРИСА

Я глядела на огни с Ленинских маунтинз.
Оглядев меня, спросил он: «Вы снимаетесь?»
Я сказала, что сейчас я не снимаюсь,
а вообще-то я снимаюсь лет с семнадцати.
он лицом напоминал Лиепу Мариса
и нелепо повторял: «Так вы снимаетесь?»
Я сочла, он режиссер с такой семантикой.
Он считал, что я торгуюсь из-за мани.
Он сказал: «Я заплачу семьсот в суммарности.
Так снимаетесь?»

Режиссер был молодой, но исключительный.
Привел. Музыку включил. Свет сразу выключил.

Или это варианты Санта Клауса?

Я на съемках.
Но жду фразы: «Вы снимаетесь?»

ЭКРАН

Гляжу с кошкой и не раскаиваюсь:
«Оскар» — «Оскар» — «Оскар» — «Кариез»...

Dalі с Калиостро от счастья обкаркались.
Спасайтесь от Оскара! Боритесь за Кариез!

Кар у березки консерваторской.
Кариез. Оскар. Кариез острый!

Взвейте бокалы карие с тостом
сюрреализму московскому —
кариез—оскар—кариез—оскар—кариез—оскар—

Му — му-у!

ОСЕННИЙ PARA-SAILING

Над Маросейкою — парасейлинг.
Нас тянет купольная Москва.
Есть изумление в отземлении —
не вниз, а вверх несут купола.

Так колокольный Ивана купол,
взвивая зодчего, высоты шупал.
От парашютных полос Блаженного
не вниз, а ввысь идет притяжение.

Рей над Россиєю, парасейлинг!
Тучи рассеются в благодать.
Мы не настолько опоросели,
чтоб к небу головы не поднять.

Учусь контролю над катастрофой.
Пучком, светящимся из спины,
из человека лучатся стропы,
что видно только со стороны.

Чем мне аукнется парасейлинг
в просевшем домике моем бревенчатом?
ПОРА СЕЯТЬ —
НЕРАЗУМНОЕ — ДОБРОЕ, ВЕЧНОЕ.

Я задираю башку обветренную,
чтобы успеть различить из ста —
под крайним куполом ремни набедренные
нас инструктирующего Христа.

* * *

Иду по небу на парашюте,
Катапультируйтесь из нашей жути!

Лишь тень оранжевая, скользима,—
бросает корки от апельсина.

Я ног не знаю, я рук не знаю.
Лишь рвут предплечья ремни-гужи —
счастливый ужас парасознания,
абсолютной парадуши!

ОТСТЕГНИТЕ ПРИВЯЗНЫЕ РЕМНИ!

Иду минуту
без парашюта
элементарно, как «до-ре-ми».

Чайку подошвами не примни.
Мне не ответил Петр за дверьми.

Как голуби мира, грязны мои кеды.
Бонжур! Покедова!

Я понял истину, живя все годы,
где Кант, где Шеллинг, где дождик сеет —
не может быть на земле свободы.
Переходите на парасейлинг!

Где наши семьи? и где «Дом Селенга»?
Лишь свист осеннего парасейлинга.

Внизу фигурка идет по водам.
А хочешь — по небу походи.
Являйся небу, забудь заботы
над морем утренним в бигуди...

Какое небо под пяткой резкое!

И стало видно до древней Греции,
где купол неба над водной пряжею,
над человечеством овноедов —
парасознанием несет напрягшимся
онемевшего
Ганимеда.

ПАРАШЮТ

Зачерпывая стропами,
повсюду не из праздности
на вкус я небо пробую.
небо — разное.

Турецкое — с сурепкою,
испанское — опасное,
немножко с мушкой шпанскою,
над Волгой — самогонное,
похоже на слезу.

Цимлянское — мускатное.
Кто, в прошлом музыканточка,
задела неприкаянной
душою по лицу??

Зачем я небо пробую
над тропкой психотропную?
Чем ангел мне обмолвится?
Вам не понять внизу.

Владимирское — вешнее
что пахнет головешкою.
Попробуешь — повесишься...

Но я и так
вишу.

* * *

Фиалки — твои филиалы.
Фиалки внутри тебя.
Я вечером их поливаю,
на клумбу пересажая.

Как скомканный плащик нейлона,
тревожней, чем Фалька этуод,
в твоём уголке потоенном,
рыдая, фиалки цветут.

Вишнево коричневые губы
таят корневища. Хранят
чернику вкусившие зубы
фиалковый аромат.

Стреляют. Рыгает филин.
Поливщик, пою сады.
Фиалки — не некрофилки,
алкают живой воды.

Я пил из Господней пиалы.
Упав на колени во тьму
с твоих немышленных фиалок
счастливые слезы сниму.

ВЕЧНЫЙ РУССКИЙ

Старый русский
взорвал РСФСР.
Побирушкой,
по европам окосев,
бродит новый Агасфер —
Вечный русский.
Моложавый бродит сэр,
хоть обрюзгший,
как сутулый лунный серп
с авторучкой.

Рок-Горбушкой
Москва пляшет в беспредел.
Ты стихами надоел.
Хуже Рушди.
Просят в каждый некролог
твоей подписи.
Только Бог так одинок,
Господи!..

«Новый русский» ходит с пушкой
не на нарах — на Канарах.
В век чернушный
почему ты, как фонарик,
мечешься, бессмертный ген?..
Вечный ты интеллигент
русский!

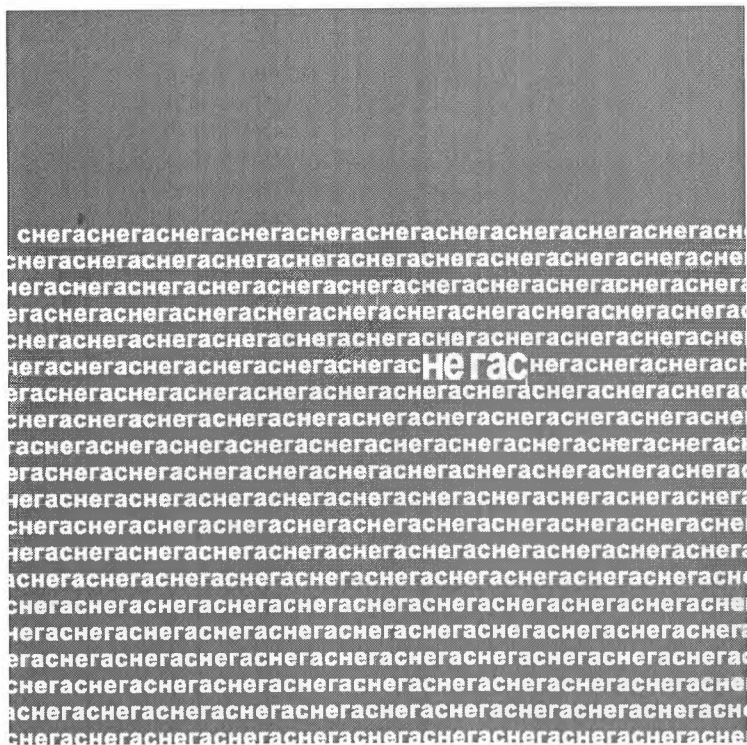
Кто устраивал чертогам
постирушку?
Кто заполнил зал Чайковского?
Вечный русский...

Крестник твоего пера,
квазиклассик,
твой пра-пра-пра-пра-пра-пра-
правнук квасит.

Кручка. Слуцкий.
Ночь. Забвение. Наркоз.
Вот Искренко положили.
Вечный русский
тебя мучает вопрос:
«В чем смысл жизни?»

Где Россия? Никого,
кто бы поняли его.

Только выдох. Только дых
без закуски.
Лишь волшебный вечный стих,
вечный русский.

"...все горел огонек..."

HOME R

ДОМОЙ - В вечную тьму.

АКТЕР
театр выходит на простор
ТЕРАКТ
актерактер

КАМЫШКАМЫШКАМЫШКАМЫШКАМЫШ
мышка

тишина

ПОДРАЖАНИЕ ШОТЛАНДЦАМ

Я обожаю мышонка за то, что он великан.
Я обижаюсь, что в рясе не я, а сосед Вигелян.

Я обожаю газеты за их очепятки.
Я обижаюсь, когда у двойняшек — три перчатки.
Я обижаюсь на Философию, не ясную, как Чучхе.
Я обожаю Софу в розовом одном чулке.
Я обижаюсь на украденный ЮБК.
Я обожаю, когда на клене шотландская юбка.
Меня обижают идивиды нашего обезьянника.

Я обожаю микеладжеловского Давида,
не прошедшего еще обрезания.

Я обижаюсь, водохлебка, на бесконечные чаи твои.
Я обожаю все водопроводы за то, что не утолят любви.
Я обижаюсь, что я не балерун Бежара.
Я обожаю, тебя, за то, что ты, наконец,
от меня сбежала.

ПРОЩАЙ АЛЛЕН...

Не выдерживает печень.
Время — изверг.
Расстаемся, брат мой певчий,
амен, Гинсберг.

Нет такой страны на карте,
где б мы микрофон не грызли.
Ты — в стране, что нет на карте,
брат мой, призрак.

Нет Америки без Аллена.
Удаляется без адреса
лицо в жуткой бороде,
как яйцо в чужом гнезде.

Век и Сталина, и Аллена.
Шприцев стреляные гильзы.
Твой музон спиритуален, Гинсберг...
Призраки неактуальны.
Но хоть изредка

дай знак мне иль Бобу Дилану,
чтоб потом не потеряться.
Ты — в пространствах дзэн-буддизма,
я — в пространствах христианства.

Слыл поэт за хулигана,
бунтом, голубую клизмой...
С неба смотрит Holy ангел —
Ангел Гинсберг.

ИСТОРИЯ

Татьяна Александровна, урожденная Пушкина,
семейством Лариных удочерена,
была им замуж в сердцах отпущена —
за очередного Ланского пошла она.

А Мери Михайловна, урожденная Лермонтова,
была ему вернее всех невест.
За нее он стрелялся со всероссийским вермахтом.
Прости им, Господи, святой инцест.

ДОМОЙ!

Пора! Дорожки свертывает море.
Домой — к Содому и Гоморре.

В приливе чувства безутешного
с тебя подводная волна
трусы снимает, словно женщина.
С тобой последний раз она.

* * *

Сладким ротиком от халвы,
нежно щечки надувши, как сахарница,
удивленно ответили Вы:
«Ну кто сейчас трахается?!..»

В окнах лезут авто на авто.
Голубица от страсти отряхивается.
Одеваясь, сказали: «Ну кто
сейчас не трахается?!»

P. S.

Правы вы. Но тем не менее
мне, а не кому-нибудь
Бог посылает вдохновенье.
Значит, праведен мой путь.

кара карфагена

«Carthaginem delendam esse»
Сенатор Като

ПРОЛОГ

— Карфаген должен быть разрушен!
— Картагинем делндам эссе!
Это ясно темным и русым,
Корчагиным и эсэсовкам.

Коррупция, блин, депрессия.
Муж зашит. Ничего на ужин.
Но Карфаген должен быть разрушен!
Картагинем делендам эссе.

Контрактнику долейте, бесы!
Карабанов корреспондентку ТАССа
картагинем делендам эссе...
Хакамада — интеллигентесса.
Хоть дуринда Барбра Стрейзанд,
но она — блендамед прогресса!

Рафаэль должен быть разрушен!
Марафет должен быть обналожен,
черный квадрат — не повешен,
бардак в ФРГ — низложен!
Контрфагот заложил нам уши.

**За все Карфаген нам должен.
Как сбрендил великий Эзра:**

**«Британия делендам эссе!»
В Фольксвагене труп от Мерседеса
обнаружен.**

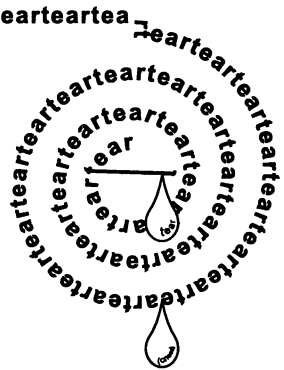
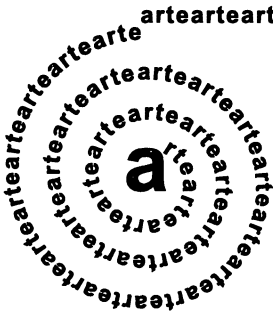
ПТУшник, поймай ЦРУшника!

Платон Каратаев — наш Герман Гессе.
--

**Дожили! Кота обрезали!
Но мышка ушла от наружки.
Карфаген должен быть разрушен.**

**Не ведая о Карфагене,
агрессивно грядем по лужам.
Общественность офигела.
— Папарацев преслудуют в прессе!
— Артогонь — контрапункт мессы.
— Задолженность за семь месяцев...
Контрфагот должен быть разрушен.**

**Мы на джипе пустыней кружим,
чтобы в крике понять гортанном:
кто же должен быть разрушен?
И в ком должен
воскреснуть Картагинем?**

думай

ЦЕЛЬ

**Карфаген, Карфаген, Карфаген — кратер,
из глубин содрогающий Рим элитный.
Это карьер Хаоса. Прав сенатор!
Карфаген игнорировал дирил с ксилитом.**

**Но играют в висячих садах арфы,
и любовники гасят на темных шоссе фары,
африканская Мэрилин шепчет рабу: «Завтра»...
Раб уполз, закованный в свои ядра.
Хлорофилл, хлорофилл, хлорофилл пахнет!**

**Подплывает скат, как душа с карданом.
Имя «Като» мне слышится сквозь «Картагинем».
И раскаты танков мы в нем угадываем.
Жаль мне Вашего Рима, сенатор Като!
Ваш соцарт Арбата — звонок распада.
Но белел в траве позвонок аканта**

**Безвременье темно, как ковры с изнанок.
Птолемей взошел, но еще не зашел Коперник.
Виртуальный Витрувий — живей Империи.
«Но Империю жаль», —
мне в Нью-Йорке сказал изгнанник.**

Как картофель в фольге, запекает луна камни.
Наши помыслы святы. Рабом быть стыдно.
Мы разрушили наш Карфаген, Като.
Неужели мы станем архитекторами пустыни?

— Караванкараванкараванкараван — куда ты?
— В Анкара, — мне на ломаном скажет турок.
По столбам Карфагена тоскуют звезды —
эrogenные точки иных империй.

РУИНЫ

пол-Зевса
гигантов объявшие полозы
пол-Озы
пол-Тебя
пол-меня
пол-да Винчи

мы все половинчаты
вполсилы

живем не по лжи
кто летал - ползи

пол-ЗиЛа
пол-России

где ж черные полковники?
развод
кто сдает полкомнаты?

ползи Фрида к...
пол-Зигфрида

**полуответчик полуистец
полный абзац**

**лови Интерпол
шпиона пропившего
контрольные полмонеты**

**пол-Ганимеда
а каков пол Ганимеда?**

**ни политики
ни философских школ
только ПОЛ.**

ДУЭТНАЯ ДЕВУШКА

**Уже второе тысячелетье,
одета сдержанно, от Кардена,
играет девушка на двух флейтах
одновременно, одновременно.**

**Одна — замужняя, нефальшивая,
а с ней — жемчужная, чуть прикольная,
но как волшебю звучит вершина,
ее влюбленного треугольника!**

**За целомудренной статуэткою
движенье целое начинается.
Она — дуэтная, она — дуэтная,
чего не знает, родоначальница!**

**Не надо сплетен, не надо Фрейда,
не опошляйте словцом «измена» —
не прерывайте искусства флейты
дуэтной девушки современной...**

ОСТОРОЖНО ДЕТИ!

**Расстелите мраморные полотенца!
Знать и высшая интеллигенция
в жертву небу режут своих младенцев.**

**Осторожно — дети! — несут любимцев.
На себе эти Ироды узнают первыми:
детоубийство — самоубийство
самой Империи.**

**И глядят из мраморных телевизоров
убиенные нами дети.
Им теперь играет Таривердиев.
Там ни мам, ни бабушек, ни столетий.**

**Спаси, Господи, этого, синеглазого,
как немой вопрос из теленовинок —
почему преступники безнаказанные
откупаются жизнью детей невинных?!
Будь ты проклято, нашенское разбездарство!
Господи, где ты?!
В сердце знак поставить мы опоздали:
«Осторожно — дети!..»**

**...Тыщи лет усмехается, нож потрагивает
раб, горбатый, как черный квадрат Малевича.
К нам ручонками тянутся над Картагином
убиенные звезды наших царевичей.**

ПОЗВОНОК

Позвонок, как катушка Парки,
на траве среди босоножек,
«No parking!»
Карфаген — животное позвоночное.

Я снимусь с позвонком аканта,
не поняв полноты расплаты, —
чтоб узнать, как ломают статуи,
воочию,
меня боги лежать заставили
и вонзались в мой позвоночник.

Говорили, прибой меня поднял
и швырнул, пловца неумного.
Последнее, что я понял, —
сногшибательный ломик наемника.

У меня температура — 241 по Фаренгейту,
(до н. э., естественно.)
Но кто познал позвонок Карфагена,
тот видел Второе пришествие.

Как шедевр, везут меня к трапу.
Я рукою ищу стену,
Но не снял укол психотропный
боль пронзительную Карфагена.

МОЛИТВА

**Помоги, помоги, помоги,
я Тебя умоляю о помощи.
Помоги мне стерпеть позвонки
и пройти, не хватаясь за поручни.**

**Мой в испарине лоб промокни.
У тебя не один я, страдалец.
Я ей должен помочь. Помоги!
Без меня она в мире осталась.**

**Помоги мне достроить собор.
Помоги мне сейчас не погибнуть.
Помоги мне остаться собой.
Помоги мне Тебя не покинуть.**

ЭПИЛОГ

— Вы считаете, должен он быть разрушен?

— Нет, я просто строю. Жру министроне.
На своих позвонках известковой пушкой
персональный свой Карфаген строю.
В автогенной маске, как киллер, сорри,
автокефальный свой Карфаген строю.
Все дерьмо? Чем дерьмее, чем катастрофней —
все равно, тем ровней, тем ровней строю.

Меняются мафии. Я кисть обмакиваю.
Грех искупаю, всю жизнь стругаю —
строю в сердце церковку об одной маковке.
Пусть вверх ногами.

Оттого принимаю я йога стойку.
Любит сердце, когда с него снимут стружку.
Чтоб вам было, родимые, что разрушить,
я всю жизнь Карфаген, Карфаген строю.

фигуры

БЕЛЫЕ ФИГУРЫ

Бедуины —
высокие, как баскетбольные корзины, —
почему они в белом, как духи Тувима?
Between мы
белоснежной надежды и бытовины.
Инда дуют wind'ы.
Словно белые шахматы, цепью идут бедуины.

Пододвинь ко мне лампу, а я к тебе тень пододвину.
Тень волшебнее тела. Остаются в тени
женщины, занавешенные, как избирательные кабины,
бюллетени неверных не приемлют они.

Пододвинь ко мне веру, а я к тебе вену подвину.
Припозднимся ботвиньей плюс сухие блины,
(одна треть апельсина — две трети запретного вермута).
Сквозь такую пустыню понимание протяни...
Мы с тобою — неверные!

Мы неверные дети неверных законов.
Из неверных шагов наш маршрут составим.
Как застывшая в воздухе шапочка от бадминтона,
удаляется бедуин.

Шахматист интуиции, обыгравший машину,
я в неверное время родился на той стороне.
Разве что с бодуна ты припомнишь

казанский мотив муэдзина
из Ивана Александровича Бедуина де Каберне.

Почему — спросишь ты — я ношу нараспаш
ворот русской рубашки покроя дюш-баш
с белой стоечкой, пасторской наполовину?

Ибо дуют wind'ы. И поют бедуины.

Пододвинь ко мне тайну, а я к тебе сердце подвину.

Пододвинь ко мне Запад, к тебе я Восток пододвину.

Ибо дуют wind'ы. Неотступно как шах,

по Дубининской улице бедуины проходят впотьмах.

Европейское солнце зайдет за Твою обалденную спину...

Мусульманская полночь шуршит на песочных часах.

МЕСЯЦ

Горизонтальный арабский месяц,
в тебе смысл тайный,
который сразу и не заметишь.
Арабский месяц горизонтальный.

*Как будто в небе правее месяца
пейзаж разместится —
наши шоссе перпендикулярные,
вдоль них мы, крохотные, гуляем.
Там ляры в сапогах партикулярных
парят,
монетки из карманов не теряя,
патриотично щечки растягивая
снежком, о тяге позабыв земной.
Миры пересекаются с тоской,
как женская душа с душой мужской.
Застыли при морозце
в тридцать градусов.
Практически под 90.*

Летят пустыней, вызывая слезы,
не позволяя снежком, побаловаться —
две переделкинские березы,
горизонтальные, как шлагбаумы.

* * *

У Медведицы точка.
Читаю Плиния.
Европа — точка.
Восток — линия.

* * *

Не дай нам, Господи, сорваться!
Нам слово Божее верни —
в мелеющую речь славянства,
в горячечную речь Чечни.
Чей мальчик в маске или в каске?
Он в Нальчике шел в первый класс...
Обертывается эхом Кафки
братоубийственный Кавказ?!
Спать не дают мне безыскусные
слова танкиста среди тел:
«Я не могу наматывать на гусеницы
женщин и детей...»

ТРАНС

Загадай мне жизнь и измены знаки,
трансинтелигибельная Кармен!
В жизни видим нитки — ковер с изнанки,
трансинтелигибельный гобелен.

Трансинтелигибельные разборки,
трансинтелигибельные глаза,
трансинтелигибельная свобода
трансинтелигибельного козла!

Но не дергай ниточку — рухнет глыбина...
Трансинтелигибельны дневники Нагибина —
всем он шьет убийственный аттестат,
а его, загробного, не достать!

О чем мне повествуешь, как леди Гамильтон,
трансинтелигибельный мертвец?
Голубая разгадка Гамлета
в том, что Клавдий — его отец...

Шопинг — наша святая аура —
пеленгует дух Шопенгауэра.

Призраки в квартирах, в банке признаки...
ГОЛОСУЙТЕ ЗА СТОПРОЦЕНТНЫХ ПРИЗРАКОВ!
Бейте из зенитки, макайте в деготь.
Но прошу, за нитки не надо дергать!

В трансинтеллигильном сиб-экспрессе
споили Ферлингетти, приняв за Пресли.
Почему-то вилкой не выкололи бибики?
Мы гостеприимно трансинтеллигильны.

Как ни уверяют наши теле-Киплинги,
но пути Империи трансинтеллигильны.
За окном высотки рыдает Шнитке.

Ну, зачем вы все-таки дернули за нитки?

РУССКАЯ PLAYMATE

Жрите, русские пельмени, соплеменников!
Но по сердцу страшно, если рашпилом.
Пой мне, Маша, первая плеймейт,
made in Russia!

Над страной, бронезиленной и ножовой,
как одежду и надежду, сбросив тело,
плачет голос, абсолютно обнаженный —
голый голос, чистый голос, голос белый!

Здравствуй, пламя молодое, незнакомое!
«Абсолюта» дети, телки и плейбои.
Я такой не видел обнаженной
русской боли!

Боль за наши годы беззакония
и за ноту абсолютной боли, что ли...
Закононое, слезою самогонною
плачет небо. Плачет ангел. Плачет поле.

Ты живешь безоблачной небес.
Одеваешься от Кензо. Бесишь скептиков.
Но душа предпочитает без
контрасептиков.

ДРУГУ

Скотина наглая!
В душе твоей поганой — пауки,
все чувства человечески плохи —
но малая частица ангела
любит стихи.

Я упаду. Послушай гул столетий.
Ты надо мною, музыкант слепой,
сыграй на флейте — laterlaterlater —
все человечество потянешь за собой...

Входит в клинок твой в сердце отцовское
Браво, сынок! Узнаю свою руку...
Мать не бросай... Разберись с полоумной отсоскою...
Не дли муку!

Призрака встречу — трансинтеллигидельный юмор
я оплачу.
Царствуй, сын, справедливо, но в меру
мерумерумерумерумерумер

(Умер).

КАБАЛЛИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА

Отель — как сейнер. Землетрясенье!
Кровать плыла.
В распаде семьи. Умы в смятеньи.
Подобно скрытой электросети,
в стене шевелятся летрасеты —
осуществляется Кабала.

И сердце чует, как в спиритизме
столов и стульев
кабаллистическую экспертизу
проходит пуля.

Метафизическую экспертизу
проходит тело.
И даты жизни ткет паспортистка
справа налево.

ФИГУРЫ НА БЕРЕГУ

Словно гул счастливых губ,
прилив-отлив.
И во всем твоей любви эквивалент.
Над заливом огни букв:

Т
Е
L
A
V
I
V

отражаются как люб-
ВИ ВАЛЕТ.

* * *

Ревет судилища орда.
Я прокаженным был, казалось.
И только женщина одна
Подошла, не отказалась.

Бреду меж темени, и луж
и черепов, как Верещагин.
Но женщина, как желтый луч,
мою дорогу освещает.

ПАМЯТИ Б.П.

Давно его списали —
списали его рифмы и печали,
метафор расшакалили пульсары,
пописали на пьедестале
усердные ученички —
слова ничьи?
Но если б не было Его —
вам было б списывать — с кого?!

БЕЗДНА

Страшно. За колонкой бензо
ТЕМЗАТЕМЗАТЕМЗАТЕМЗАТЕМЗАТЕМЗАТЕМ

Что за тем? За тенью — темь.

ТЕМНАЯ ФИГУРА

Шахматы начинают и выигрывают.

Они съели все фигуры, весь офицерский корпус, черные и белые, они съели чемпиона и претендента, машину IBM, пол-Каспарова и остальные полчеловечества.

Не зажигайте в окнах свет — они проникнут в квартиры через белые квадраты окошек, не тушите свет — они проникнут через черные квадраты.

Малевич распался на суверенитеты.

ХАМЫ НАЧИНАЮТ И ВЫИГРЫВАЮТ

Королева зевнула офицера.

Русский мат — X — угрожает Европе, X похож на знак умножения, X зачеркивает крест-накрест ценности в супермаркете.

ХОХМЫ НАЧИНАЮТ И ВЫИГРЫВАЮТ

Мы с тобою играли в Шахматове.

Вместо закатившегося под скамейку короля ты поставила губную помаду, вместо туры — огарок свечки. Шах! А где твой король?!

— Не ревнуй. Должна же я поправить губы.

Ты загорела. Ты — темная фигура. В тебе сумерки подсознания.

Темен загар твой и одновременно светел. Я обучаю тебя черной и белой игре.

Согни Нью-Йорк пополам квадратами вверх, внутрь доски засыпь фигуры, белых сенаторов, черные блюзы, манхеттенский «Chess club», статую Свободы — ну и сэн-двич интеллектуалов!

ШАМАНХЕТТЕН НАЧИНАЕТ И ВЫИГРЫВАЕТ

США — это СБА, СНГ: С — это слон, Н — это клетка, а что такое Г? Ах, это ход конем... Кентавр — это конь верхом на Екатерине Великой, как рассказывала выпускница Сорбонны. Конь Калигулы ходит свастикой.

Помнишь мое посвящение Аксенову:

Глядь!

Кобылы Дунька, Судьба, Конь Блед...

От безысходности я отнес рукопись в правоверную «Лит. Россию». Редактор К.Поздняев тайно любил стихи. Рискнул напечатать. Он пришел домой, разбудил жену, стал ей читать публикацию:

Глядь!

Кобылы Дунька, Судьба, Конь

«Блядь!» — вскричал из-под одеяла малолетний Миша, будущий рифмодил Михаил Поздняев, пораженный радостью рифмы.

«Блядь», — ахнул изумленный редактор.

МАХИ НАЧИНАЮТ И ВЫИГРЫВАЮТ, ведя сеанс одновременной игры.

— Вилка?! — парируешь ты, — это королева на штыке революции. Королеву на эшафот! Каждая может управлять государством.

— Шахматы — это нашинкованная зебра, — объясняю я.

— Зебра — это вегетарианский тигр, — парируешь ты. А жирафа — выросший мухомор.

ЧЕРЕПАХА ВЫИГРЫВАЕТ БЕГ ИСТОРИИ

Мы с тобою играли в Шахматове.

Ты проиграла плащ, сняла шелка и туманы. Но опять проиграла.

Я догадываюсь, что ты жульничаешь, чтобы проиграть.

Ты осталась в одних контактных линзах. Опять проиграла.

Ослепла. Пошла вслепую. Опять проиграла.

Раба чести, ты снимаешь свою темно-золотую кожу. Вот вам! Сейчас мы увидим, что у тебя светится внутри. Ты сидела смущенная, как ало-сизый анатомический театр, пульсируя изнутри, как мигалка автоинспектора. Опять проиграла. Ты отстегиваешь левую мерцающую икру и шлепаешь на стол — нате, жрите! Мы съели. На стол летят печенка, почки, светящаяся вырезка с сидалищным нервом. Мы съедаем. Наши желудки временно светятся. Ты наливаешь черный кофе в коленную чашечку, выпиваешь и бросаешь нам. Я замечаю, что живот у шныряющей тут кошки начал светиться. **МОХНАТЫЕ НАЧИНАЮТ...** Сквозь пучки нервов, проводов, штепселей уже поблескивает кость. Но внутреннего сияния ты не проиграла, душу ты не проиграла!

И тут, мазохистка, ты начинаешь отыгрываться. Тусклые мышцы впрыгивают в тебя, светясь от счастья, цепляясь, как за подножку трамвая. Ты надеваешь контактные линзы. Ты счастливо озираешься. Темен загар твой и одновременно светел. Но что это дышит, забытое на тумбочке? Подобно скользкой лягушке, мерцательно пульсирует и пробует скакать? — Ах, сердце...

Мы играли с тобою в Шахматове,
В пыль алмазную вверх тормашками
белой махою, черной махою
тьень ложилась на луг ромашковый.
От шампанского мозг пошатывало.
У колонн, где вьюнки усаты,
мы с тобою играли в Шахматове,
где давно никакой усадьбы.

АХМАТОВА, ПРОИГРЫВАЯ, ВЫИГРЫВАЕТ

Когда я обдумываю ход офицера, в мозгу моем пахнет лесным клопом, черная королева пахнет черемухой.

а5, Шопен не ищет выгод

удлиняя клавиши, Шопен проигрывает этуод Чигорина.

Электричку потряхивало. Дорожные шахматы — это любовь лилипутов. А может быть, это — тир профессионалов, с дырочками точно по центру? Все ряды прошиты Калашниковым.

ШАМБАЛА НАЧИНАЕТ И ВЫИГРЫВАЕТ

Сетка полей минирована. У кого в кулаке пешка — тот ходит. А если в кулаке свинчатка?

Россия — родина шахмат. Не только слонов, но и офицеров. Не так-то Просты наши лапти! Это портативные клетчатые доски для игры. Пошел. Поиграл. Подумал. Опять пошел. Бортики защищают от ветра.

Правда, клетки одноцветные. Белые или черные. От времени. Но это лишь усложняет игру ума. Магнитные лапти притягивают нас к земле. Опти-лапти.

Балетки так и называли: «la petit» — танец маленьких лаптей. Постановка Ролана Пти. Опти-лапти. В берестяных лаптях, как в люльке, вызревает ум.

Не лапотные, а шахматные. Мат — триумф нашей национальной школы.

У меня мозоль на уме от забившейся в носок пешки.

Папаха Махмуда танцевала над пешками, делавшими фуэте. Перевернутая ладья катила на роликах. Шумахер прошел по краю поля. Король оказался крапленным.

ЧЕХАРДА НАЧИНАЕТ И ВЫИГРЫВАЕТ

«Там, где ступал мой Конь, не растет трава» (Аттила). Трава растет теперь, где ступал конь Аттилы.

Кре2Кре3Кра...x

Ты открыла мне смысл даты смерти Набокова: 1977 (в сумме 24), что равняется жизни Марселя Дюшана 1887—1968. Тоже в сумме 24, т. е. 2Т). 24 — это три восьмиклеточных поля, на двух расположены реальные фигуры, а на третьем — пока невидимые нам, сюрреальные.

Ты и имя гениального Филидора прочитала, как ход Ферзя — туда и обратно: «родили, Филидор?»

Мы думали — чирий, а это пешка вылезла!

На день рождения ты мне подарила фигуры, выре-

занные в виде ангелов. Белые ангелы против черных. Ферзь светился. Видно, был покрашен по золотой подложке.

БОГОМАТЕРЬ НАЧИНАЕТ И ВЫИГРЫВАЕТ

Странные это были шахматы!

Темная сила любви была источником света. Встречные тени твоих фигур смешивались с моими. Все проблемы решались лежа.

Были ли у меня соперники?

Когда я вглядываюсь в доску, я чувствую встречные взгляды. Доска превращается в витрину-продажу солнечных очков. Пошла мода на прямоугольные! Г-З — Н-З — это очки Элтона Джона. Или Стинга?

Ты — Мата Хари инстинкта.

Один твой поклонник штемпелевал поля турой, на доске оставались круглые орлы. Я заметил, что такая же отпечатка у тебя на правом плече в виде татуировки.

Почему александрийский белый стих просвечивает сквозь нашу чернуху?

Темен загар твой и одновременно светел. Говорят, ты вышла из полусвета.

Предупреждали тебя — осторожней шагай по полю. Тебя могут затянуть в черный люк. Так погиб Иоанн Грозный. За шахматной доской. Он получил магнитный заряд, когда передвигал ферзя. Пошел IG-GI. Тут его и пригвоздили, как по сотовому телефону.

Но ты не вняла предупреждению. Ступила.

Ты провалилась в шахту подсознания.

Х...

ШАХТЫ НАЧИНАЮТ И ВЫИГРЫВАЮТ

подземная тайная сила

Вольте я тебя не видел.

Ах, наркотические черно-белые цветы, превращающие нас в нереальные цифровые комбинации! А вдруг они и есть реальность? А мы лишь физиологические иллюзии?

Когда я сильно думаю о тебе, мне на лоб прыгает доска, за ней фигура. Неужели весь мир на магнитах? К сердцу присосалась, как пиявка, черная пешка.

Между тем столетие в цейтноте. Заканчивается партия «Набоков—Марсель Дюшан». Твоя ушанка — без головы. В метро шарахнуло!

Кто оспаривает первенство в матче между отцом Гаты Камского и мамой Гарри Каспарова?

Не ты ли подсказала алогичные решения игроку против машины? Ревную. Мне тесно в клетке разума. На свой выигрыш от проигрыша машина хочет Клавдию Шиффер. Не от тебя ли свихнулся Бобби Фишер?

СУМАСШЕДШИЕ НАЧИНАЮТ И ВЫИГРЫВАЮТ

Кегельбаном бы по фигурам! Лучше бить углом доски! Дважды мат XX веку — мат разуму и мат надежде.

Между тем паркетины вспучиваются, как безумный кроссворд землетрясения.

Я не знаю, чем опять беременна Россия, но абсурд — Богоматерь истины.

абсурд добра

И на самом краю доски вдруг зажегся огарочек Твоей свечи. Наверное, самовозгорание.

ТЫ ВСЕГДА НАЧИНАЕШЬ И ВЫИГРЫВАЕШЬ.

Особенно когда проигрываешь.

Темен загар Твой и одновременно светел.

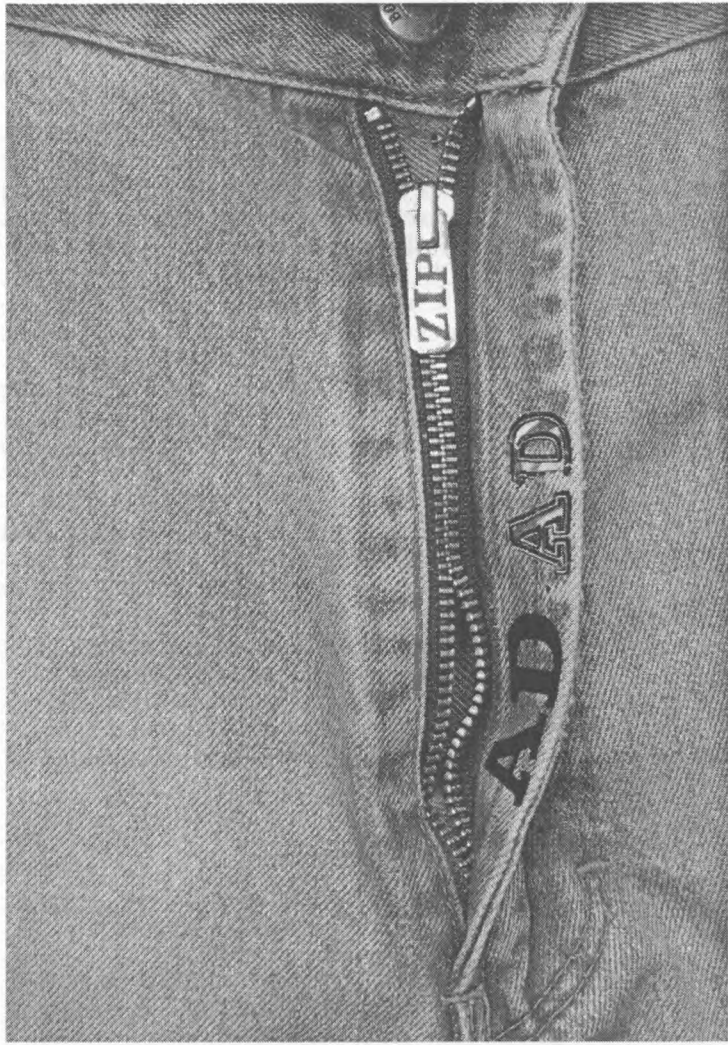
Я обучаю Тебя черно-белой игре.

Посланница полусвета, полукривочка подсознания,

свет Тебя начиняет. Этим Ты и выигрываешь.

компра

Видеома-иллюстрация к текстам итальянского Ренессанса

Увертюра

**По ком звонит колокол?
Да здоровствует черное солнце!
Двуглавый орел альковный
как минимум спит с двумя.
«Ивановская колокольня
не названа ль в честь «Японца»,
а трамвайчик речной —
в честь «Тайваньчика?» —
спросил дипломат меня.**

**По ком ты молчишь, Царь-колокол,
как наша душа расколотый?
Кому позвонил Колобов? —
народы узнать хотят.
Мы мрем от духовного голода:**

А ТЫ СОБРАЛ КОМПРОМАТ?

І акт

**Мы живем под знаком Компры.
Грязен каждый, кто неглуп.
В телефоне ждет, как в кобре,
прослушивающий зуб.**

**Клава Шиффер, Клава Шиффер —
девственница, говорят.
ТАСС опровергал фальшивку —
компромат! компромат!**

**Ну и кобель! ну и кобель!
Над Москвою звезд полно.
Или это Давид Коппер-
фильд играет в домино?**

о давиде одавидеодавидеодавидеодавидео

**Наши теннисные корты,
как авоська, полны компры.
Компромартовские кошки
мажут аудиофон.**

**У жены в руках вещдок —
один компроновый чулок.
Что ж ты в холод свою золушку
отпустил в одном чулке?!**

**Миф о краденном алмазе
обожаю в мире тухлом.**

**Компра — это греза грязи
и блаженство нищих духом.**

**Нет святого на Руси.
Кто с Луны стянул трусы
впервые надо всем Северным полушарием?**

II акт

Поспешаем.

Объявлена всеобщая мобилизация компромата. Генштаб не спит. Компрабабушки пикетируют комправнуков. Про. Контра. Мат. Компрадорскую буржуазию вытесняет компрадорский пролетариат. Держите братьев Компрамазовых!

В Думе продается игрушка-ауди: «Уйди-уйди!..»

Папы — рацию, мамы — рации,

А мы — папарацци...

Прометейя скомпрометировали.

Он тепло своровал для нас, авантюрист,

И свистит в переходе флейтист ампутированный:

«Человек, Божий замысел — чист!»

Богоматерь скомпрометирована.

Ее гонит с квартиры двуногий примат.

**Тайный свет выдает Ее — аметистовый
неземной компромат.**

И пантера со стрижкой, как Хакамада,

и овца, а за ними пастух и поэт

**лицезрят целомудренного компромата
новый свет.**

Назовут его Новый Завет.

Кого считывает КАССЕТА?

...ромео и джюльетта? паоло и франческа? резанов и кончита? адольф и ева браун? вибратор и бритва браун? наркобароны для петровки? лаура и петрарка? демон и тамара? чайковский и фон — ... (накладывается непонятный фон)

..мой милый божественный кайф блаженный василий в окошке как елочные украшения нежность до изнеможения попалась я (пауза) в душе шум нирваны (шум душа в ванной и телефонный звонок) алло от ширака страна моя родная необъятная моя россия западное крыло повело понесло понесло гималаи тропик рака еще умоляю афон (запись зашкаливает фон) глянь в окошке зима уж а я думаю что же ты носки не снимаешь на видео микки маус

III акт

**Жизни смысл в сияньи тайны,
как Титаник в бездне лет.
А без тайны жизнь — ботаника,
там без тайны смысла нет.**

Создается Министерство обнародования тайн. Раскром тайны Космоса. Он проткнул штопором Полярную звезду, дернул — Оттуда такое полилось... Шурупами бы привинтить Его, шурупами! А то гвозди так легко вынимаются из креста.

**Может, он был на кассете?
Иль иные голоса
унесли в велосипеде
два незримых колеса?
Может, в пленке сохранится
шепот нашей чистоты?
Милый мой читатель (ница),
может, это дышишь ты?
То дыханье нашей подлостью
неопознано пока.
Но все, что есть в мире подлинного, —
два спелетенных голоса.**

Вторая сторона КАССЕТЫ:

... на спине у тебя отпечаток газеты за 31 декабря ну
бля а где ты работаешь в диамбанке амба банку это хоро-
шо сидеть в амбаре и пить компари хорошо ой петя хоро-
шо хорошо я митя хорошо ой хорошо витя абрау дюрсо
будешь ты царица мира мимо поправь ты не прав витенька
ой сейчас вытеку ау (дио провал на 30 секунд) свет га-
сишь как сказал старик гафиз (запишем «гашиш»).

акт спиритизма

Экспертиза.

«Фабрикуем подлинники. Цена договорная».

- Но я не спал с Вами!
- Но вот Ваше фото и видео.
- Да, я спал, но не с Вами, видимо.
- А чем Вы докажете адекватность вашей дамы? Смотрите, вот она на видео с куриными ногами.
Сирена выла.
Фальшивые люди заполнили коридоры.

Пиковая дама явилась к Гельману. Марату. Чтобы зарезать его в ванной. Достала кинжал. Но ванная не работала.

Романтический компромат рисует, как соцреализм, не того человека, который есть, а того, который должен быть. У меня отключили телефон за неуплату, а в газете читаю, что я якобы купил виллу на Лазурном берегу. Продать бы эту виллу, внести бы квартплату за век вперед. Народ компрометирует правительство. Или наоборот.

Парфюмерная наклейка подает в суд на Парфенон — он компрометирует ее глянцевую копию своими неотремонтированными колоннами.

— Я Блок — Нет, я Блок — Я Блок ада — бл... О.К. — блокада двойников.

Мой двойник уехал в Сан-Франциско. Когда ущипну себя — он там просыпается.

Кто создал нас по образу и подобию своему?

Какого Создателя мы собой компрометируем?

КОМПРАКОМ **РАКОМ** ПРАКОМПРА

Третья сторона КАССЕТЫ.

..барышня перевернитесь на решку не так резко где ж я тебя видала ой тараканы а гостиница дорогая моя хоррошая («Коррозия металла» или фон другого хита, меняем модуль) ну и мобиль у тебя наверно ешь гоголь-мо голь на выдумки хитра ой на работу пора завтра в шесть гецум (шум не поддающийся расшифровке и не принадлежащий двум) мумм не могу ж на улицу в наготе где ж мой прикид от ж.п.го-тье был поэт не упомяну где в поэме... Мальборо нет есть кэмэл... еще раз в темпе бл... а у тебя лучше чем у нозми кэмбел... ты ее поэмил... а у кого лучше черт гадкий... у катки у вашей екатерины великой... а ты ей кем был... и когда ты успел их всех... (адский смех) по интернету и нету ваша дама бита... ОЙ ДА У ТЕБЯ КОПЫТА... а я то думала что же ты носки не снимаешь черт поддатый... а поцеловать (конец цитаты).

АКТ ОЧИЩЕНИЯ

**Среди грязи несущейся по касательной,
(компроматы сейчас — наградные листы)
я ищу на людей — пока бездоказательно
компропат чистоты.**

**Мне не важно, брала ли на лапу Земщина.
Но когда под толпу придуряешься Ты
клептоманкой сердец и преступною женщиною —
то тебя выдает компропат Красоты.**

**Уголовной Москве хуже нет криминала.
Твое мятное небо абсорбирует мат.
В запотелом зеркале Ренуара —
Твоего присутствия компропат.**

Ты с утра штукатурисься, споришь с гребенкой.
Как дыханье на зеркале — срок наших дней.
Я готов свою кожу нарезать на пленку,
чтоб дыханье Твое сохранилось на ней.

За тебя обожаю купаться в грязище.
Говорят — шоумен, академхулиган...
Моя белая куртка становится чище
после грязевых ванн.

Пусть живу я не чище, чем тысячи тысяч.
Но на Страшном суде. ставши в очередь в ад,
доказав Всевышнему аутентичность,,
предъявлю за людей чистоты компромат.

ПОСЛЕДНИЙ АКТ

Друг мой, товарищ, читающий брат!
Заполни на себя компромат

Читатель(ница)!
Когда не спится. Прими душ.
Обернись газетной задней страницей.
Обернись этой поэмой.
Промокнись компроматом.
Пари над.
Дай прочитать товарищу компрометирующий зад!

Нынче правда стала ложь.

ПРОЧТИ И УНИЧТОЖЬ

**Глянь! На посошок минутный
опрометчиво пошел
наши грязные мазуты
компрометирующий снежок.**

**Неужельты впрямь, Россия —
компроматная мессия?!**

Почти правда все и ложь.

из самары с «amour»

Marl

Marlboro

МИНЗДРАВ

ПРЕДУПРЕЖДАЕТ

» ПРОВИНЦИЯ»

«С чем рифмуется Самара?» — таким вопросом встретит вас у трапа первый самаритянин.

Пробегитесь в час рассвета по двадцатикилометровой набережной, окаймленной сомовски-затененным бульваром, помашите халатику садовницы Любы, фигурно обстригающей кусты — не ради коммерции, а для души. минуйте пристань, кафе «Сивилла», обогните в/ч уже с орлом на глухих воротах, еще до утренних птиц, собаководов и первых купальщиков, когда луч из-за Волги озарит алым и оранжевым кромки белых и фиашковых зданий на берегу, и вас осенит легкомысленная строка:

**Рассветает Самара,
как салат из омара...**

Не искристый Игорь вдохновил вас. Просто бело-оранжевые крабовые палочки заполнили лотки планеты как вокруг парижского «Самаритена», так и вокруг самарского монумента Ленина, воздвигнутому на пьедестале изпод памятника государю императору.

Карамзин считал, что сила России — в ее провинции. Да и Жак Деррида мыслит децентрализацию основой постмодернистского процесса.

Я пишу эти заметки в пронизанной волжским солнцем мансардной комнатухе особняка. Почему именно Самара-городок, один из корневых центров российской провинции, уже третий год собирает под водительством Василия Аксенова фестивали мышления XXI века, приглашая на самарский саммит мэтров нестандартного искусства таких, как Е. Попов, А. Козлов, А. Макаревич?

Впрочем, если бы не призывы Васи, я бы еще долго не попал в Самару.

Самара не «провинция». Побывав в годы войны третьей столицей, она так и остается полустоличной, полупериферийной. Поэтому я осторожно ставлю термин в полукавычки. Но тут из-за моей неловкости с компьютером кавычкина птичка прилепляется не сбоку, а сверху — как фронтоны купецких особняков, знатно отреставрированных на главной улице, или треуголка гениального Провинциала, основавшего некогда Империю.

Поговорим о Провинции как о смысле нашего нынешнего полустоличного, полупериферийного сознания. Ту же тенденцию к пониманию себя как центра и края вы увидите и в Нижнем Новгороде, с его великой филармонией и Сахаровским фестивалем и в Новосибирске, и в Барнауле — как в столице, наоборот, ощутите, как растет процент провинциализма.

В кустодиевской Самаре все революции проходили бархатно, даже Куйбышев, объявивший в театре Советскую власть, почти никого не расстрелял.

Дело не в том, что в бывший военный Куйбышев переехали правительство и посольства, что Ворошилов здесь принимал парады,

что сюда эвакуировалось тело Ленина и ожидало Сталина. Санкт-Петербург и Москва, раскинувшиеся вокруг александрийского столпа и Ивана Великого, согласно пушкинской метафоре, были новой царицей и порфириноносной вдовой имперского кумира. В центре Самары, Третьей столицы Империи, избранницы военной поры, находится глубинная гигантская шахта, подземная антибашня, которую называют **БУНКЕР СТАЛИНА**.

Мощный лифт уносит вас до основания этого инженерного чудища, тайно вручную вырытого метростроевцами. Ни Гитлер, ни американский президент не имели таких резиденций-бомбоубежищ. Через полвека кондиционер в идеальном состоянии, ни сырости, ни трещин. Поддонный кабинет вождя оснащен ложными дверьми и окнами, чтобы убраться ощущение подземности. Аскетичная кровать-диван. Зал для заседаний ГКО декорирован под станцию метро, где проходили заседания во время бомбежек Москвы. И на всем печать глубинного одиночества самодержца. Настроение гнетущее, как при кессонной болезни. Эльдар Рязанов, урожденный самаритянин, пробует шуткой снять напряжение, садится за стол Главнокомандующего, вызывает по телефону Поскребышева. Я советую ему отснять здесь фильм о кессонной болезни истории. Кто-то сзади затянул «песню о Сталине». Мне кажется, что дух вождя до сих пор присутствует в этой тайной ракетной шахте. Это остается подземным мавзолейным подтекстом солнечного города. И птички кавычек напоминают уже треугольные лычки на рукавах красноармейских младших командиров.

Конечно, город и в те годы неминуемо был бы переименован. Вряд ли Сталин стал бы править державой из города по имени Куйбышев и отсылать приказы с подписью «Сталин. Куйбышев», или получать депеши «Куйбышев. Сталину».

Студентом-практикантом я был на строительстве Куйбышевской ГЭС во время перекрытия Волги. Потом в институтском НСО делал доклад о металлической сетчатой опалубке, впервые примененной там. Даже получил грамоту НСО. Но бетон был для меня спрессованным стоном заключенных. Тогда я уже написал стихи «Мы дети культа личности» о лбах лагерей с венками из колючих проволок. Пастернаку они нравились. Художник Г. Г. Филипповский, бывший з/к, пустил их по самиздату. В те времена писать об этом было рискованно. Сейчас, когда можно безнаказанно клеймить власти, поэзия чурается таких тем.

Какое-то предчувствие томило. Приведу одну записку с моего вечера: «...если вас интересует, я могу назвать имя и доказать документально **КТО АВТОР ПЕСНИ «Я ПОМНЮ ТОТ ВАНИНСКИЙ ПОРТ»**».

Эта великая песня, протяжный лагерный гимн, — «Священная война» ГУЛАГа. Автор считается доселе неизвестным. Поговаривали, что Ольга Берггольц.

И вот на следующее утро я встречаюсь с Аркадием, приславшем записку, сыном автора, офицером в отставке, ныне мастером по починке телевизоров, держу в руках Берестяную книгу. Эта книга, склеенная из проутюженных листов бересты — в лагере бумаги не было — удивительно легкая, сухая, на ней

записаны чернилами расплывчатые от дождей ли, от слез строки стихов лагерного поэта. Его звали Федор Михайлович Демин-Благовещенский. Родился в деревне Каменка-Имангулово в 1915 г.: Погребен в Самаре. Листаю документы его реабилитации, чернильный почерк заключенного, машинописные, папиросные и пожелтевшие листы рукописи повести его жизни. Крестьянский сын, он учился в совпартшколе, самарском институте, был арестован за выступление на учительской конференции против славословия в честь Сталина. Следствия, побои. Однако и там он встречает людей светлых: «Из нашего прииска на Колыме по названию «Счастливым» из 2500 зыков живы остались 173. Я познакомился с профессором Н. Н. Простосердовым и Н. И. Ланге, кадетом, который работал с Лениным в Самаре в 1890-х годах... Это были глубоко интеллигентные люди в самом положительном смысле этого слова. Они никогда не бранились, не то что матом, вообще. В любых случаях разговаривали только на «вы» даже с уголовниками. Я только тогда понял, что значит настоящая интеллигенция, это не наш советский суррогат, который имеет только одно название». Известные стихи в его записи имеют в рукописи не совсем канонический текст:

ОТ КАЧКИ СТРАДАЛИ ЗЫКА*

Я помню тот Ванинский порт
И вид погребальный, угрюмый,
Как шли мы по трапу на борт

* Зыка — сокращенно так называли тогда заключенных.
(Примеч. Ф. М. Демина-Благовещенского).

В холодные мрачные, трюмы.
Над морем сбирался туман,
Ревела стихия морская.
По курсу стоял Магадан —
Столица Колымского края.
От качки страдала зыка,
Обнявшись, как родные братья.
Лишь только порой с языка
Срывались глухие проклятья.
Не песня, а жалобный крик
Из каждой груди раздавался.
Прощай навсегда материк, —
Ревел пароход, надрывался.
Прощай молодая жена,
Прощайте и малые дети, —
Знать, полную чашу до дна
Придется нам выпить на свете.
Я знаю, меня ты не ждешь,
Писать мне тебе запрещают.
Встречать ты меня не придешь
И дети отца не узнают.
Будь проклята ты, Колыма,
Что названа «чудной планетой», —
Сойдешь поневоле с ума:
«Отсюда возврата ведь нету».

1938. Берелех.

Сын вспоминает рассказ отца, как были написаны эти строки в трюмной тюрьме, как кормили соленой селедкой, не давая пить. Даже если он был лишь соавтором текста, и то его имя и муки святы.

Тогда же Волга познакомила нас с бывшей актрисой, которая когда-то исполняла для заключенных уже в брежневскую пору эротическое шоу. Ее повесть я записал в «Мордовской мадонне», сохраняя лексику. Сергей Пара-

джанов, узник постсталинских лагерей, рассказывал подобную историю. По правде сказать, я считал ее красочной фантазией режиссера. Когда Параджанов был в лагере, я послал ему туда свою книгу. В ответ он прислал коллаж, сделанный им из проволоки и осенних листьев. Он сейчас висит в моем кабинете рядом с Муром.

Что еще хранит Провинция в своих запovedных сундуках и сусеках? Душу народа, шедевры вековой классики Лентулова, Розоной, Роговина. В Музее есть зал икон, среди них и колычевские. Хранит музей и позорный документ. Его привез специальный эмиссар из столицы, и издан этот указ уже послесталинскими правителями. Указ требует уничтожить хранящиеся в музее **произведения модернизма и авангардизма, а также иконы**. Почитайте те, кто сеет междоусобную рознь между Малевичем и черными крестами на одеждах древних икон! Служители ослушались и, рискуя, тайно переписали номера экспонатов, перепрятали их, замаскировали под хлам, спасли. Та же хрущевская власть уничтожала отечественную культуру — и абстрактную живопись, живопись духовную — 10 тысяч церковей было закрыто!

Кого выставляет Провинция из современников? При нас состоялось открытие выставки М. Шемякина. Когда-то чернокожаный художник, открывая мой вечер в Нью-Йорке, подарил свои иллюстрации к моему «Бою пехотов», созданные еще в Ленинграде. Я прочитал на самарском вернисаже:

Какое бешеное счастье,
Хрипя воронкой горловой,
Под улюлюканье промчатся
С оторванною головой!..

**А по ночам их кличет пламенно
С асфальтов, жилисто-жива,
Как Орден Трудового Знамени
Оторванная голова.**

Думал ли цензор, не пропускавший эти стихи, думал ли и сам автор, что через несколько лет ордена Боевого и Трудового Знамени будут лежать на асфальте перед продавцами, подобно пыльным отрубленным петушиным головам с красными гребешками? А считавшийся убитым петух модернизма бесмертно кукареча полетит по планете?

На другой день Алексей Козлов, золотая труба шестидесятых, сделал доклад, о той моде, когда одежда была знаком протеста. Надо сказать, что сам я никогда не следил за модой — ходил в том, что было удобно и что нравилось — кожаные куртки, свитера. Но когда на меня орали: «Вы в Кремль пришли... без галстука! Битник!!» — я назло им с той поры перестал носить галстуки. Так что мои пресловутые шейные платки — это не дань моде, а иная знаковая система...

В промежутках между программой я то роплюсь дописать эти заметки. В самарской комнатухе солнечный зайчик от доньшка гусьхрустального стакана плавает по страницам, секторный, как ломтик лимона. Поэзия провинциальна по сути своей, она вечно провинившаяся, вещь в себе, она упрямо сохраняет наивную веру. «Языком провинциала в строй и ясность приведу». Поэты не столько принцы Провинции сколько ее пациенты. Герои Достоевского с «мировой душой» — были провинциалами.

Сегодня фальсификаторы пытаются внушить, что успех вечеров поэзии был только политизированным. Помню, как любил читать, а зрители слушать «Осень в Сигулде», «Озу», сюрреалистические ритмы «Груши», полушепотом читалось «Тишины!». Мои апологеты даже создали специальную школу «тихой поэзии».

Я — москвич, но детство мое прошло в провинции Киржача и Кургана, потом я ходком уходил искать смысл жизни в переделкинские пенаты Пастернака и провинциальный Франкфурт к Хайдеггеру.

Провинциал из Мюнхенской академии законспектировал нашу с философом беседу. У Хайдеггера я встретил подтверждение круговращения языка, это взаимопревращение судеб, когда за углом быта нас подстерегают Бог и дьявол. Это явление я называю круговой метафорой или кругометами

Мы живем в языке. Свой дом и деревья вокруг я озвучил буквами. Сосна — насос неба. Она перекачивает небесное в земное. И наоборот.

Это лето в Подмосковье да и во всей среднерусской полосе прошло под знаком гибели черемухи. Нашествие гусениц черемухового шелкопряда или моли криминально покрыли километры лесов белой пленкой. Сжирали листву. Черемуху вырубали, как заразу, как класс. Переделкинское кладбище во время июньской годовщины Пастернака было все затянато — и надгробие, и кусты, и ограды — пленкой, как оранжерея над огурцами. Я написал стихи об этом. Это было за неделю до Буденновска.

«Отзвенела черемухой в степной провинции»

Из этих зеленых ворот с орлом вышел 23-х летний офицер — ленинградец Паша Степанов. Вышел, чтобы не вернуться. Он погибнет в Чечне. Чеченцы вернут, найденные при нем документы и записную книжку с переписанными стихами. Среди своих стихов он переписал и «Очисти, снег». Под его именем стихи эти напечатали в «Известиях». Некоторые строки Павел перегруппировал, вероятно для того, чтобы удобно было петь под гитару. Теперь он навеки соавтор этих стихов. Ужас его гибели до сих пор не отпускает меня.

Прости нас, Павел.

Упокой, Господи, его душу.

Запомни и помяни его, читатель.

Страшно, что без него жизнь, шумит, как писал поэт: «связав в одно земную низость с самым высшим, с звездами дно».

Вернемся на набережную, где среди тенистых стволов уже засвистали птицы. В самом центре ее, в двухстах метрах от «Сивиллы», где парапет спускается к воде, на его темно-сером границе белой краской выведены народные стихи, русский видеорэп:

Леха, служи как дед служил,

А дед на службу ... ложил

Почему меня остановил этот постмодернистский видеом? Это редчайший, драгоценный для русской поэзии размер. Им написана знаменитая «Сивилла» М. Цветаевой;

Сивилла: выжжена, сивилла: ствол.

Все птицы вымерли, но бог вошел.

Далее Цветаева упоминает «каменной глыбы серость». Как культурны современные безымянные поэты! Это изысканный народный эвфуизм. Почему народный поэт задрапировал откровенный термин многоточием? Ведь никто не контролировал его ночного творчества. Думается, он, 19-летний солдат из соседней в/ч, рассчитывал вызвать ответное напряжение интеллекта в мозгу уличного читателя. Он целомудренно уподобил улицу академической книжной странице.

Я, как и автор, против прямой ненормативной лексики, если она не художественный образ. Может, я отстал от жизни. А Пушкин? Ведь именно Цветаева заметила, что он «Европу только с жопой рифмовал». Но у Пушкина все это было изящной, лукавой, игрой художника.

Мат в мировой литературе ныне переходит в классический мелодизм. Лидер группы с почти аleshковским названием «Fugs» румяный, с пшеничными усами бунтарь-гигант Эд Сендерс прислал мне выходящую на днях свою книгу стихов «СНЕКНОВ», где тонко и конструктивно пишет о поэтичности Чехова, о России. Книга может стать событием. Есть и торопливости: «Победоносцев — это Гувер своей эпохи. Только хуже»... Но это детали.

Мощное движение «Рэп встречается с поэзией» набирает силу в США. В модном захолустье, в нью-йоркском «Сохо», самым нехилым считается клуб «S.O.B», переведем его как «Сволочи». В нем поэты рэпа не поют, а читают стихи, вмещающий 350 зрителей, небольшой, как и наш «Политех», клуб всегда переполнен. Бритоголовые, в черных очках,

белые интеллектуалы и интеллектуалки здесь перемешаны с черными. «Сейчас идет бум поэзии», — восклицает юная поэтесса Ша-Кэй. Патриарх американской поэзии Ален Гинзберг, незадолго до смерти рассказывал, что интерес к поэзии растет. «Поэзия встречается с рэпом, она основана на бит-поэзии, но спонтанней и работает на ритме и рифме». Ростки поэзии пробиваются и в рейве.

Журнал «Нью-Йоркер» приводит типичную фразу современного американского тинэйджера: «Пойду, блин, отрублюсь на вечере поэзии, Ма...»

Обособленные ячейки ментально схожи. Я заметил, что темные залы Москвы и Рязани, и Нью-Йорка, и Шотландии хлопают в тех же местах, тем же видеомам, что и сегодня в Самаре. Самара — суммарна.

И у нас тяга к поэзии, пожалуй, не чахнет. Весной, накануне нашего вечера в Политехническом мой латаный-перелатаный «жигуль», не доезжая до Консерватории, столкнулся с шикарным БМВ. Бампер БМВ был искалечен. Огромный владелец выскочил, бушует. Еще бы: замена бампера обходится в \$2500! Наша беседа кончилась тем, что он взял вместо компенсации билет на завтрашний вечер в Политехнический. Я видел, как он и супруга были счастливы, сидя в конце зала. Кстати, он оказался сыном известного футболиста и тренера Севидова. Где еще могут платить за билет на вечер поэзии такую цену?

Поэзия возвращает человеку его человеческое измерение. Коперник первым открыл человека как провинциальную особь во Вселенной: человек не царь, а провинциал. Гёте

назвал это открытие равным Библии. Мы с вами провинциалы Вселенной. Неслучайно Рихтер проехал с концертами по всей русской глубинке. В Барнауле я попал в тот же гостиничный номер, где только что жил великий пианист. На окне, как иней, сохранилось его сияние.

Есть ли процент надежды в стопроцентном беспределе нашей жизни? Но ведь должен же быть! Провинция провиденциальна. Есть и жуткие черты провинции.

Зыбким световым зайчиком надежды брезжут наивные размывы акварели в музее детской живописи Самары. Восстановленный подвижниками во главе с Н. Ивелевой, статной российской интеллигенткой, среди безнадежья и общей безвыходности, этот цветной теремок находится в центре города. Что любят, чем живут дети Провинции? Они исповедуют Петрова-Водкина и Матисса. Цветастые размывы волжан соседствуют с хрупкими грезами детишек Санкт-Петербурга и с гаммой новосибирцев. Здесь же зал американских детей. Особенно любят пацаны неистовый синий. Только бы их не затоптали! Может быть, и правда, это сердцевина города. А вдруг и правда город можно построить не только вокруг Бункера, но и вокруг детской мечты?

На что же похожи полукавычки над словом Провинция? А вдруг и правда на стрелку указателя, устремленного ввысь, в небо?

ВИРТУАЛЬНАЯ КЛАВИАТУРА

По его Ноте мы настраивали свою жизнь.

Отпевали Рихтера в небесном его жилище на 16-м этаже на Бронной. Он лежал головой к двум роялям с нотами Шуберта, и на них, как на живых, были надеты серебряные цепочки и образки. Его похудевшее, помолодевшее лицо обрело отцвет гипса, на сером галстуке горели радужные прожилки в стиле раннего Кандинского. Лежали смуглые руки с золотым отливом. Когда он играл, он закидывал голову вверх, подобно породистому догу, прикрывал глаза, будто вдыхал звуки. Теперь он смежил веки не играя. И молодой рыжий портрет глядел со стены.

Помню его еще на пастернаковских застольях. Сквозь атлетического юношу уже просвечивала мраморная статуарность. Но не античная, а Родена. Он был младше других великих застольцев — Пастернака, Нейгауза, Асмуса, но уже тогда было ясно, что он гений. Его гениальность казалась естественной, как размер ботинок или костюма. Рядом всегда была Нина Львовна, грациозно-графичная, как черные кружева.

И вот теперь уходит последний из великой плеяды, из тех, кого я школьником лицезрел на олимпийской даче.

Когда Пастернак предложил мне проводить Анну Андреевну Ахматову, я уступил эту честь Славе. Сейчас они там встретятся.

Отпевавший его батюшка, в миру скрипач Ведерников, сказал точно и тонко: «Он был над нами». Вечерело. В открытые балконные двери были видны кремлевские соборы и Никитский бульвар. Он парил над ними. «Господи, — пела пятерка певчих канонические слова заупокойной службы, — Тебе Славу воссылаем...» Впервые эти слова звучали буквально.

Его Нота была посредником между нами и иными мирами, контактом с Богом. Он играл только по вдохновению. Порой не ровно, но и в этом он оставался поэтом.

Для меня именно он, всегда бывший одиноким гением, стал символом русской интеллигенции. Она жила по шкале Рихтера. И когда хоронили ее поэта — Бориса Пастернака, играл именно Рихтер.

Для него естественным было играть в Пушкинском музее для Веласкеса и Тициана так же, как для наших современников. И совершенно естественно, что выставка запрещенного Фалька состоялась на квартире у Рихтера, у него дома.

В его 80-летие в Пушкинском музее во время капустника я написал текст на мелодию «Happy Birthday to You!». И в этом тексте восьмерка легла набок и стала знаком бесконечности.

На последних концертах на лацкане его гениального фрака был миниатюрный значок премии «Триумф». Когда я проектировал эту эмблему, я имел в виду прежде всего Рихтера.

шагал
шостакович
иванов
андронников
ливанов
журавлев
ахматова
асмус
пастернак
нейгауз

Р ИХЕР

дорлиак

антонова
ашкенази
архипова
башмет
васильев
гутман
долуханов
ефремов
журавлев
крайнев
писаренко
ростропов
темирканов
шостаков

У гроба печальной чередой идут его близкие, друзья, которые потом станут подписями под некрологом, а над ним уже виднеются незримые фигуры тех, к кому он сейчас присоединится.

Наконец он встретится, как мечтал, со своим мэтром Генрихом Густавовичем Нейгаузом. Может, не случайно в его квартире два рояля стояли рядом. Они летят в бесконечности параллельно земле, как фигуры на полотнах Шагала.

Когда-то я написал ему стихи. Сейчас они звучат по-иному

**Береза по сердцу кольнула,
она была от слез слепа —
как белая клавиатура,
поставленная на попа.
Ее печаль казалась тайной.
Ее никто не понимал.
К ней ангелом горизонтальным
полночный Рихтер прилетал.**

Какая Нота донесется до нас с его нových, иных, виртуальных клавиатур?

Дай Бог, чтобы он не сразу нас забыл.

СОДЕРЖАНИЕ

Письма из «Желтого дома»	3
Сад	5
Желтый дом	6
Купание в росе	9
Помилуй, Господи... ..	10
Баллада о Мо	12
Платите женщине	15
Море	17
Шаланда желаний	18
«Плачь по Булату, приبلудшая девочка...»	19
«Прими, Господь, поэта улиц...»	20
Храм	22
Исповедь Мордовской Мадонны	23
Улет	28
Лесной регтайм	30
Пара-шут	31
«За что мои всходы растоптаны...»	33
«Не пытайте лампой паяльной...»	34
«Клавишами Берлиоза...»	35
Волшебное стекло	36
Casino«Россия»(поэма)	37
Спасите черемуху	95
Спасите черемуху	97
Аренда	99

«Я не верю в кошмар изотермы...»	100
«Не бросайте мусор у моей калитки!»	101
Очисти, снег	102
Летальный лейтенант	103
Дача	105
Ветеран	106
Уедем в НН	107
Масленица	108
В храме	114
Минчанка	115
Диспут	116
Провинциальный романс	117
«Мотыльковый твой возраст...»	118
«Едва просыпаюсь во мраке...»	119
Нирвана	120
Ave gave (поэма)	123
Окружное	141
Парламентер	143
Чучеловече	144
Русские сиапочки	146
Актриса	147
Экран	148
Осенний para-sailing	149
«Иду по небу на парашюте...»	150
Парашют	152
«Фиалки — твои филиалы...»	153
Вечный русский	154
Подражание шотландцам	161
Прощай Аллен...	162
История	163
Домой!	164
«Сладким ротиком от халвы...»	165
P. S.	166

Кара Карфагена (поэма)	167
Фигуры	179
Белые фигуры	181
Месяц	183
«У Медведицы течка...»	184
«Не дай нам, Господи, сорваться!..»	185
Транс	186
Русская playmate	188
Другу	189
Смерть Клавдия	190
Кабаллистическая экспертиза	192
Фигуры на берегу	193
«Ревет судилища орда...»	194
Памяти Б.П.	195
Бездна	196
Темная фигура	197
Компра (поэма)	203
Из Самары с «апоиг»	215
Провинция	217
Виртуальная клавиатура	230

АНДРЕЙ ВОЗНЕСЕНСКИЙ

CASINO «РОССИЯ»

Редактор Э. Пономарева
Художественный редактор И. Марев
Технический редактор Г. Шитоева
Корректор Е. Командина
Компьютерный набор А. Битюкова, А. Мынко
Компьютерный дизайн А. Диамант, А. Каратаев

ЛР № 030129 от 23.10.96 г.

Подписано в печать 10.09.97 г.

Гарнитура Таймс. Печать офсетная.

Уч.-изд. л. 7,6. Цена 19 600 р.

Цена для членов клуба 17 800 р.

Издательский центр «ТЕРРА».
113184, Москва, Озерковская наб., 18/1, а/я 27.

Оригинал-макет подготовлен
Гуманитарным центром «ЭНРОФ»
и «АВМ согр.».

ISBN 5-300-01365-X

9 785300 013653